

ТАМОР ТОУЛЗ

«Мастерское
изображение недавней
русской истории».

KIRKUS REVIEWS

«Богатая образами
незабываемая историческая
драма».

BOOKLIST

Роман

ДЖЕНТЛЬМЕН В МОСКВЕ

Интеллектуальный бестселлер

Амор Тоулз

Джентльмен в Москве

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тоулз А.

Джентльмен в Москве / А. Тоулз — «Эксмо»,
2016 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-04-088790-3

Быть поэтом опасно – особенно после революции. Граф Александр Ростов в 1922-м попадает под трибунал за давно написанное стихотворение. Вместо высшей меры наказания графа отправляют в крайне необычную ссылку – в отель «Метрополь», который он не имеет права покидать. Совсем. Владелец большого поместья, никогда в своей жизни не работавший, теперь граф Ростов должен приспособливаться и выживать в новых условиях, наблюдая за самыми страшными, поворотными событиями в нашей истории. Постепенно Ростов осознает, что джентльмены бывшими не бывают.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-088790-3

© Тоулз А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Книга первая	9
1922	9
«Посол»	9
Выброшенный на необитаемый остров англичанин	15
Встреча	22
Знакомство	26
Ну так вот...	32
Туда-сюда	36
Заседание	42
Неожиданная встреча	49
Сочельник	56
Книга вторая	66
1923	66
Актриса, ночь и пасечник	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Амор Тоулз Джентльмен в Москве

Amor Towles

A Gentleman In Moscow

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Стокли и Эсме

МОСКВА 1922 г.

¹ Так назывался Ленинградский вокзал с 1855 по 1923 г. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

Как я прекрасно помню,
Когда оно пришло к нам тихим шагом,
Дабы остаться с нами навсегда,
Мелодия, похожая на горную кошку.
И кому же мы сейчас нужны?
Точно так же, как и на многие другие вопросы,
Я отвечу на этот, потупив глаза и очищая грушу.
Я раскланяюсь и попрощаюсь,
И выйду за дверь
В тихую радость
Очередной не теплой и не холодной весны.

И знаю я вот что:

То, что мы ищем, находится не среди
опавших листьев на Сенатской площади,
Не в пепле в урнах на кладбище,
Не в синих пагодах китайских безделушек.
Оно не в седельных сумках Вронского,
Не в сонете XXX, первая строфа,
И не на двадцать седьмом красном...

Где оно сейчас? (строки 1–19)

Граф Александр Ильич Ростов, 1913 г.

21 июня 1922 г.

Заседание Чрезвычайного комитета Народного комиссариата внутренних дел по делу графа Александра Ильича Ростова

в составе: товарищи Игнатов В.А., Заковский М.С., Косарев А.Н.

Прокурор: Вышинский А.Я.

Вышинский: Ваше имя?

Ростов: Граф Александр Ильич Ростов, кавалер ордена Святого Андрея, член Клуба жокеев, егермейстер.

Вышинский: Нас не волнуют ваши титулы. Вы – Александр Ростов, родившийся в Петербурге двадцать четвертого октября 1889 года?

Ростов: Да, это я.

Вышинский: Должен заметить, что я еще никогда в жизни не видел пиджака с таким большим количеством пуговиц.

Ростов: Спасибо.

Вышинский: Я сделал это замечание не в качестве комплимента.

Ростов: В таком случае я требую сатисфакции за нанесенное оскорбление.

(Смех.)

Секретарь Игнатов: Тишина в зале!

Вышинский: По какому адресу вы проживаете?

Ростов: Москва, отель «Метрополь», номер триста семнадцать.

Вышинский: И как долго вы там живете?

Ростов: Начиная с пятого сентября 1918 года. Почти четыре года.

Вышинский: Род занятий или профессия?

Ростов: Джентльмен считает ниже своего достоинства иметь профессию.

Вышинский: Хорошо. Чем тогда вы занимаетесь?

Ростов: Обедаю, обсуждаю, читаю, думаю. Заполняю время обычными пустяками.

Вышинский: Вы пишете стихи?

Ростов: Было время, когда мне это было не чуждо.

Вышинский *(Поднимает руку, демонстрируя тонкое печатное издание.)*: Вы являетесь автором напечатанного в 1913 году стихотворения под названием «Где оно сейчас?».

Ростов: Да, мне приписывают авторство этого стихотворения.

Вышинский: Почему вы его написали?

Ростов: Стихотворение написалось как бы само собой. Так получилось, что однажды утром я сидел за письменным столом и оно буквально вылилось на бумагу.

Вышинский: И где именно это произошло?

Ростов: В южном крыле Тихого Часа.

Вышинский: Тихого Часа?

Ростов: Это поместье Ростовых под Нижним Новгородом.

Вышинский: Понятно. Ну, конечно, как трогательно. Но давайте вернемся к стихотворению. После подавления революции 1905 года многие восприняли его как призыв к действию. Вы согласны с такой трактовкой?

Ростов: Любая поэзия в той или иной мере – призыв к действию.

Вышинский (*Свераясь с бумагами.*): И весной следующего года вы отбыли из России в Париж?

Ростов: Я помню, что тогда цвели яблони... Да, судя по всему, это произошло весной.

Вышинский: Точнее – шестнадцатого мая. Мы понимаем причины, которые подтолкнули вас к отъезду за границу, и более того, в чем-то даже вам сочувствуем. Но сейчас нас больше волнует то, почему вы вернулись в Россию в 1918 году. Вы приехали с оружием в руках бороться с революцией?

Ростов: К тому времени у меня полностью пропало желание брать в руки оружие.

Вышинский: Так почему же вы вернулись?

Ростов: Соскучился по здешнему климату.

(*Смех.*)

Вышинский: Граф Ростов, вы, судя по всему, не осознаете серьезности своего положения. И не выражаете достаточного уважения людям, которые здесь собрались.

Ростов: Императрица в свое время высказывала мне претензии по тем самым вопросам, которые вы упомянули.

Игнатов: Прокурор Вышинский, позвольте мне...

Вышинский: Конечно, секретарь Игнатов.

Игнатов: Граф Ростов, я вижу, что многие в зале находят ваше поведение забавным, а вас лично – милым и очаровательным. У меня есть свое четкое мнение о вас и людях вашего класса. История показывает, что расчет на шарм – последняя надежда нетрудового класса. Меня удивляет лишь то, что тот, кто написал такое стихотворение, превратился в человека, у которого нет абсолютно никакой цели в жизни.

Ростов: Я всю жизнь был убежден в том, что цель и смысл жизни человека известны одному Богу.

Игнатов: О да. Это очень удобная жизненная позиция.

(*Комитет уходит на совещание, которое длится двенадцать минут.*)

Игнатов: Александр Ильич Ростов, мы выслушали ваши показания и пришли к следующему выводу: бунтарский дух, которым вы некогда обладали и который подтолкнул вас к написанию стихотворения «Где оно сейчас?», бесследно исчез. Вы превратились во враждебный рабочему классу элемент, изменивший идеалам, которых вы когда-то придерживались. Мы бы с большим удовольствием приговорили вас к расстрелу, но в высших эшелонах партии есть люди, которые высоко ценят ваше написанное до революции стихотворение как вклад в правое дело рабочих и крестьян. Поэтому Комитет выносит следующее решение: вы приговариваетесь к заточению в отеле, который так любите. Но учтите: если вы когда-либо покинете «Метрополь», вас немедленно расстреляют. Уведите подсудимого.

Заверено подписями товарищей:

Игнатова В.А., Заковского М.С. и Косарева А.Н.

Книга первая

1922

«Посол»

Двадцать первого июня 1922 года в полседьмого вечера графа Александра Ростова вывели из Кремля на Красную площадь. День был безоблачным и прохладным. Граф шел широкими шагами, жадно вдыхая воздух, как пловец после заплыва. Небо было такого же ярко-синего цвета, как синева на куполах собора Василия Блаженного. Казалось, купола собора с их буйством розового, зеленого и золотого цветов свидетельствовали о том, что религия создана только для того, чтобы радовать глаз Господа. Молодые большевички, стоявшие около витрин ГУМа, принарядились, чтобы встретить этот погожий летний денек.

– Здравствуй, милейший, – бросил на ходу граф Федору, стоявшему около арки при выходе с Красной площади. – Рано в этом году черника пошла.

Граф не стал ждать ответа продавца черники, подкрутил усы, похожие на раскинувшиеся в полете крылья чайки, и прошел сквозь Воскресенские ворота. Оставив слева благоухающие цветники Александровского сада, он двинулся направо, в сторону Театральной площади, на противоположной стороне которой располагался отель «Метрополь». Дойдя до дверей отеля, граф подмигнул швейцару Павлу, работавшему в дневную смену, и повернулся лицом к двум сопровождавшим его солдатам.

– Спасибо, уважаемые, за то, что доставили меня до отеля в целости и сохранности. Больше ваша помощь не требуется.

Несмотря на то что солдаты были немалого роста, им пришлось поднять голову, чтобы посмотреть в глаза графу. Точно так же, как и его предки по мужской линии, граф был человеком высоким, рост его составлял сто девяносто сантиметров.

– Проходи, – мрачно ответил один из солдат, вид у которого был более бандитский, чем у его товарища. – У нас приказ доставить тебя до комнаты.

Зайдя в фойе отеля, граф приветственно махнул рукой безукоризненно одетому консьержу Аркадию, стоявшему на ресепшене, и милейшей горничной Валентине, которая сметала метелочкой пыль с мебели. Несмотря на то что граф уже сотни раз таким образом их приветствовал, в этот час сотрудники отеля посмотрели на него с удивлением и страхом. Вид у них был такой, словно они увидели человека, который явился на званый обед без штанов.

Граф прошел мимо девочки, имевшей пристрастие ко всему желтому, которая удобно устроилась в одном из кресел фойе с журналом в руках, и резко остановился перед парой растений в огромных кадках, чтобы обратиться к следовавшим за ним красноармейцам:

– На лифте или по лестнице, уважаемые?

Солдаты недоуменно переглянулись, после чего снова уставились на графа. Судя по всему, они не были в состоянии определиться в этом простом вопросе.

«Как же мы можем рассчитывать, что солдаты примут правильное решение на поле битвы, – подумал граф, – когда они не в состоянии решить, как именно они собираются добраться до нужного этажа?»

– По лестнице, – произнес граф и начал подниматься, переступая сразу через две ступеньки, как привык еще в лицее.

На третьем этаже граф прошел по застеленному красным ковром коридору до своего номера, состоявшего из спальни, ванной и столовой, а также просторной гостиной. Огромные

окна номера выходили на Театральную площадь. Тут графа ждал неприятный сюрприз. Двери его номера оказались открытыми, а перед ними стояли офицер Красной армии, а также Паша и Петя, работавшие в отеле носильщиками и коридорными. Паша и Петя имели весьма смущенный вид, словно их заставили делать то, что было им совсем не по душе. Граф обратился к офицеру:

– Что все это значит?

Офицер выдержал паузу. Казалось, он был немного озадачен вопросом графа.

– Я должен сопроводить вас до вашей комнаты.

– Мы перед ней стоим. Это мой номер.

На губах офицера появилась чуть заметная улыбка.

– Уже нет, – спокойно ответил он.

Оставив Пашу и Петю около открытой двери номера, офицер провел графа и двух красноармейцев по узкой служебной лестнице, на которую он вышел через не обозначенную номером или табличкой дверь в коридоре. Света на лестнице было явно недостаточно, и через каждые пять ступеней она делала резкий поворот. Было такое ощущение, будто они поднимались на колокольню. Наконец на шестом этаже они вышли в узкий коридор с шестью дверями, похожими на двери монастырских келий. Раньше в этом коридоре проживала прислуга гостей «Метрополя», но после того как господа перестали путешествовать со своими дворецкими и лакеями, комнаты на чердаке стали использовать в качестве мест для хранения сломанной мебели и самого разного хлама.

Они вошли в дверь ближайшей к лестнице комнаты, и граф увидел, что мусор из нее недавно вынесли, оставив в ней лишь железный каркас узкой кровати, пузатое бюро на трех ножках и слой пыли, который копился здесь не один год. Рядом с входной дверью была расположена кладовка размером с телефонную будку. Складывалось ощущение, что кладовки здесь не было после сдачи отеля и ее пристроили позднее. Потолок этой чердачной комнаты шел под наклоном к окну, и граф, очень высокий, стоять в полный рост мог только около входной двери. На противоположной от двери стене находилось слуховое окошко размером с шахматную доску.

Два красноармейца остались в коридоре, откуда осматривали внутренность комнаты с ухмылками на лицах. Офицер объяснил, что вызвал двух коридорных для того, чтобы перенести личные вещи графа из номера на третьем этаже в эту комнату.

– Но все вещи здесь явно не поместятся, – заметил граф. – Что станет с имуществом, которое сюда не войдет?

– Оно станет собственностью народа.

«А-а-а, вот, значит, как «народ» приобретает собственность», – подумал граф.

– Хорошо.

Они спустились вниз по узкой лестнице. Приклады винтовок конвоиров громко бились о ступеньки и стены. На третьем этаже граф подошел к коридорным, на лицах которых застыло самое трагичное выражение.

– Ну так вот, – решительным тоном произнес граф и начал показывать на предметы пальцем. – Это, это, вот то. И *все* книги.

Для своего нового жилища он выбрал два стула с высокими спинками, кофейный столик в восточном стиле, принадлежавший его бабушке, а также свой любимый фарфоровый сервиз. Граф решил взять две настольные лампы, украшенные вырезанными из черного дерева слонами, а также портрет своей сестры Елены, написанный Серовым во время одного из его посещений поместья «Тихий час» в 1908 году. Не забыл граф захватить и кожаный чемодан, изготовленный на заказ лондонской фирмой «Эспри», и который в свое время его близкий друг Мишка очень точно окрестил «послом».

Кто-то принес из камеры хранения отеля чемодан графа, в который он тут же начал собирать личные вещи из спальни, пока коридорные относили наверх остальные предметы. Он обратил внимание на то, что красноармейцы бросали жадные взгляды на стоявшие в гостиной две бутылки коньяка, и положил их в чемодан. После того как собранный чемодан отнесли наверх, граф указал на письменный стол.

Двое коридорных, чьи ярко-синие ливреи были уже перепачканы пылью, взяли стол с обоих концов.

– Ох, да он просто неподъемный! – произнес один из них.

– Король не может жить без замка, – наставительно заметил граф, – а джентльмен без своего письменного стола.

Стол вынесли в коридор, и напольные часы деда Ростова, которые граф не смог взять из-за отсутствия места в его новой комнате, грустным боем пробил восемь часов. Офицер уже давно исчез, а два скучающих конвоира-красноармейца размазались по стене и курили папиросы, небрежно стряхивая пепел на паркет. За выходящим на северо-запад окном было светло, как в разгар дня. Не будем забывать, что это был день летнего солнцестояния. Граф с грустью покидал свой номер. Сколько раз он стоял в халате перед этим окном с чашкой утреннего кофе в руках, наблюдая, как на извозчиках к подъезду отеля прибывали уставшие путники, приехавшие ночным поездом из Петербурга? А морозными зимними вечерами сколько раз провожал он взглядом одинокую фигуру пешехода, освещенного зыбким светом уличных фонарей? В тот вечер граф в окне увидел, как с северного угла в здание Большого вбежал молодой офицер, на полчаса опоздавший к началу оперы или балета.

Глядя на офицера, граф вспомнил дни своей молодости, когда и он, бывало, не раз являлся в театр после того, как зрители уже расселись, а балерины вышли на сцену. Он мог задержаться в Английском клубе, говоря себе и окружающим, что выпьет еще один бокал, после чего получалось, что выпивал три. Потом он прыгал в ждавшую его карету, неся в Большой и стремительно взбегал по ступеням перед входом в театр, как этот молодой офицер Красной армии. На сцене уже стояли балерины на пуантах, а он, шепча *Excusez-moi*¹, пробирался к своему месту в двенадцатом ряду, откуда так хорошо были видны ложи, в которых сидели дамы.

«Опоздать в театр, – подумал граф и вздохнул, – вот это настоящая роскошь, позволенная только юности».

Он резко отвернулся от окна и решил обойти комнаты, которые несколько лет были его домом. Граф осмотрел просторную гостиную с двумя люстрами, прошелся по небольшой, но уютной столовой с панелями на стенах и остановил взгляд на сложном медном механизме, запиравшем двойные двери спальни. Он осмотрел все комнаты, словно покупатель, который впервые знакомится с квартирой, что хочет приобрести. В спальне граф остановился у небольшого столика с мраморной столешницей, где лежало несколько мелких предметов. Граф взял небольшие ножницы, которые очень нравились его сестре. Ножницы были сделаны в форме цапли, с длинными серебряными лезвиями в виде клюва, а соединявший их золотой винтик служил глазом птицы. Ушки ножниц были такие узкие, что он с трудом мог просунуть в них большой палец.

Он обвел глазами комнату, чтобы еще раз осмотреть все то, что оставляет. Количество вещей, мебели и *objets d'art*², что он привез сюда четыре года назад, за это время значительно поубавилось. Как только он услышал об убийстве царя, граф немедленно выехал из Парижа в Россию. Он прибыл в Тихий Час седьмого августа 1918 года, через двадцать дней после отъезда. Ему пришлось проехать через шесть стран и несколько раз чуть не попасть под перекрестный

¹ Извините (фр.).

² Предметы искусства (фр.).

огонь воинских частей, сражавшихся под пятью разными флагами. Граф добрался до поместья с одним рюкзаком за плечами. Несмотря на то что местные крестьяне были на грани восстания, а домочадцы пребывали в самом угнетенном состоянии, его бабушка-графиня встретила внука со свойственным ей спокойствием и радушием.

– Саша, – сказала она, не вставая с кресла, – как хорошо, что ты приехал! Ты наверняка голоден. Выпей со мной чаю.

Когда он объяснил ей, что она должна покинуть страну, и рассказал о мерах, принятых им для этого, она не стала с ним спорить, поскольку понимала, что другого выхода не существует. Она поняла и то, что с ней с радостью уехали бы и все слуги, но что ей придется взять с собой лишь двух. Графиня также поняла, почему ее внук и единственный наследник, которого она воспитывала с десятилетнего возраста, с ней не поедет.

Однажды, когда графу было семь лет, он проиграл соседскому мальчику партию в шашки. После этого, как помнится, были слезы, проклятия, а доска с шашками полетела на пол. За такое «неспортивное» поведение отец графа резко выговорил мальчику и отправил его спать без ужина. Когда маленький граф лежал в кровати и мучился, в его спальню вошла бабушка. Она села у него в ногах и сочувствующим тоном сказала: «Я понимаю, что проигрывать совсем несладко. Знаю я и то, что этот маленький Оболенский – полная оторва, он старше тебя и лучше играет в шашки. Но, Саша, зачем же ты, дорогой Саша, так себя унижил, устроив столь неприятную сцену?» Он расстался с бабушкой на пристани в Петергофе. Потом вернулся в имение и приказал закрывать дом.

Быстро почистили трубы, убрали и заперли в шкафу столовое серебро и накрыли мебель. Все было так, как всегда, когда хозяева возвращались осенью в Петербург, только на этот раз всех сторожевых собак спустили с привязи, разогнали лошадей и распустили челядь. Граф нагрузил лишь одну повозку с лучшей мебелью из имения, запер двери и поехал в Москву.

«Как все это странно, – думал граф перед тем как выйти из своего бывшего номера. – С самых ранних лет мы учимся прощаться с друзьями и членами семьи. Мы провожаем родителей или родственников на вокзал, навещаем двоюродных родственников, ходим в школу, идем служить в полк. Мы женимся, путешествуем за границу. То есть считается совершенно естественным потрепать человека за плечо и пожелать ему хорошей дороги, спокойно думая о том, что рано или поздно снова о нем услышим.

Наша жизнь не подготавливает нас к тому, чтобы сказать *adieu*³ самым дорогим сердцу вещам. И мы не хотим, чтобы жизнь нас к этому готовила. Иногда некоторые милые сердцу вещи начинают приобретать большую ценность, чем некоторые друзья. Мы переносим вещи из одного места в другое, испытывая при этом массу неудобств и тратя большие деньги. Мы регулярно сметаем с них пыль или полируем их. Мы просим детей не делать резких движений и не играть в буйные игры рядом с этими вещами. Связанные с вещами личные воспоминания делают эти вещи еще дороже. Вот шкаф, где я в раннем детстве прятался, вот серебряные канделябры, которые зажигали на Рождество, а вот и платок, которым она однажды вытирала мне слезы. И так далее и тому подобное. Ибо мы понимаем, что эти хорошо сохранившиеся предметы смогут утешить нас при разлуке с человеком.

Но, с другой стороны, вещь – это всего лишь вещь».

Граф положил в карман ножницы сестры, еще раз окинул взглядом эти передававшиеся из поколения в поколение вещи и раз и навсегда выбросил их из своего сердца.

³ Прощай (*фр.*).

* * *

Час спустя граф дважды подпрыгнул на новом матрасе, чтобы понять, какую ноту издают пружины (соль-диез мажор, как выяснилось), осмотрел расставленную вокруг него мебель и напомнил себе, что в детстве всегда мечтал о путешествиях во Францию на корабле или в Москву на ночном поезде.

И почему он тогда так мечтал о путешествиях?

Потому что кровати были такими маленькими!

Как же было приятно обнаружить столик, который можно было откинуть так, что его не было заметно, выдвижные полки, встроенные в основание кровати, и лампочки-бра на стенах – маленькие, но достаточно мощные, чтобы осветить страницу книги. Функциональность дизайна поражала молодой ум. Все это говорило об инженерном гении и одновременно являлось обещанием удивительного приключения. Именно так должны были выглядеть жилые отсеки батискафа капитана Немо, отправившегося в путешествие длиной в двадцать тысяч лье под водой. Любой мальчик с радостью отдал бы сто обычных ночей за одну ночь на «Наутилусе».

Ну вот, много времени прошло, и он наконец «приплыл».

«Ну, и отлично, – подумал граф. – Половину второго этажа временно заняли большевики, которые день и ночь печатают свои директивы, отчего спать совершенно невозможно. По крайней мере, здесь, на шестом этаже, человек в состоянии спокойно размышлять»⁴.

Граф встал с кровати и больно ударился головой о наклонный потолок.

«Вот уж да», – вырвалось у него.

Он отодвинул стул с высокой спинкой, переставил лампу со слонем с пола на кровать и открыл чемодан. Оттуда он извлек фотографию членов делегации и поставил ее на стол. Потом достал две бутылки коньяка и часы своего отца. Затем вынул театральный бинокль своей бабушки и тоже положил его на стол. Тут его внимание привлек звук за окном. На карнизе за этим окном размером не больше приглашения на званый обед сидел голубь и хлопал крыльями.

– Ну, здравствуй, – приветствовал голубя граф. – Как мило, что ты ко мне заглянул!

Голубь высокомерно посмотрел на графа круглым глазом, засеменил лапками по карнизу и несколько раз ударил в стекло клювом.

– Согласен, – произнес граф. – Очень правильное замечание.

Он уже собирался объяснить новому соседу, почему оказался в этой комнате, как услышал, что за дверью кто-то негромко откашливается. Граф тут же понял, что это метрдотель ресторана «Боярский» Андрей, который всегда таким деликатным образом обращал на себя внимание занятых своими делами гостей.

Граф притворски кивнул голубю за окном, давая понять, что они еще вернутся к начатому разговору, застегнул пуговицы пиджака и открыл дверь, за которой в коридоре оказался не только Андрей, а целая делегация сотрудников отеля, пришедших его навестить.

Андрей был высоким человеком с благородной осанкой и длинными, как у пианиста, пальцами. Рядом стояли консьерж Василий и скромница Марина, до недавнего времени рабо-

⁴ В нескольких номерах второго этажа, расположенных непосредственно под бывшим номером графа, председатель ВЦИК Яков Свердлов запер членов комитета, занимавшегося созданием проекта Конституции. Свердлов поклялся не выпускать из номеров членов комитета до тех пор, пока они не закончат свою работу. Печатные машинки стучали день и ночь, пока не был написан проект Конституции, согласно которой всем гражданам гарантировали свободу совести (статья 13), свободу слова (статья 14), собраний (статья 15); а также право государства отнять все вышеперечисленные свободы у граждан в том случае, если они «будут угрожать делу социалистической революции» (статья 23). – *Примеч. авт.* На самом деле Якова Свердлова (1885–1919) тогда уже не было в живых. Описанный в романе случай в «Метрополе» (написание проекта Конституции) произошел не в 1922 г., а за несколько дней до открытия V Всероссийского съезда Советов, который состоялся 4–10 июля 1918 г. – *Примеч. ред.*

тавшая горничной, которую совсем недавно сделали швеей. На лицах этой троицы было то же удивленное выражение, которое он наблюдал на физиономиях Аркадия и Валентины в фойе отеля. Граф понял, что после того как его утром увели в Кремль, никто не мог предположить, что он вернется. Но он вернулся из Кремля, как летчик с места крушения самолета.

– Дорогие друзья, – произнес граф. – Вне всякого сомнения, вы сторааете от любопытства, желая узнать, что со мной произошло в течение этого дня. Я был в Кремле, куда меня вызвали на небольшой *tête-a-tête*, во время которого представители нынешнего режима решили, что я виновен в том, что являюсь аристократом, за что и должен быть приговорен к пожизненному заключению в этом отеле.

Гости ответили ему аплодисментами и возгласами одобрения, а граф подал им руки и сердечно поблагодарил за участие.

– Проходите, – пригласил он их внутрь.

Трое сотрудников отеля протиснулись в комнату, заставленную мебелью.

– Андрей, будь так добр, – произнес граф, протягивая метрдотелю бутылку коньяка. Потом он наклонился над «послом» и открыл чемодан, словно огромный фолиант. Внутри чемодана находились пятьдесят два стакана, точнее, двадцать шесть пар стаканов самых разных размеров и форм. Здесь были бокалы для бургундского, фужеры для шампанского, стопки для водки, а также «наперстки» для разноцветных ярких ликеров Южной Европы. Граф достал четыре рюмки и передал их Андрею, чтобы тот разлил коньяк.

После того как напиток был разлит и все застыли с рюмками в руках, граф торжественно произнес: «За «Метрополь»!»

– «За «Метрополь»!» – повторили гости.

Граф был светским человеком и прирожденным хозяином, умевшим занять гостей непринужденной беседой. Он выпивал с ними и вел легкий разговор на самые разные темы. Несмотря на разницу в социальном положении, все чувствовали себя комфортно и даже расслабленно. Забыв о сдержанности, соответствующей его положению метрдотеля, Андрей улыбался и иногда подмигивал. Василий, который обычно с необыкновенной точностью объяснял гостям отеля, как добраться до той или иной достопримечательности столицы, говорил в тот вечер как человек, не готовый ответить завтра за слова, произнесенные сегодня. И даже скромница Марина позволила себе смеяться, не прикрывая ладонью рта.

Граф был искренне рад появлению гостей, но понимал, что причина хорошего настроения его посетителей объяснялась не только тем, что он недавно избежал почти неминуемой смерти. Дело в том, что людям было просто необходимо расслабиться после многочисленных сложностей и проблем, которые Россия и ее граждане пережили за последние почти двадцать лет. В сентябре 1905 года члены русской делегации в Портсмуте подписали мирный договор с Японией, завершивший Русско-японскую войну. За семнадцать прошедших после этого лет – меньше одного поколения – Россия пережила Первую мировую и Гражданскую войны, два голода и красный террор. Произошло столько событий, что их с лихвой хватило бы не на одну страну и не на одно столетие. Поэтому, вне зависимости от политических взглядов и того, как за эти годы изменилась жизнь конкретных людей, все заслужили немного отдыха и могли себе позволить выпить за Россию и за то, что они остались живы.

* * *

В десять часов вечера граф попрощался с гостями у выхода на лестницу и пожелал им доброго вечера с вежливостью и радушием, с которыми обычно провожал друзей у дверей своего дома в Петербурге. Потом он вернулся в комнату, открыл окно размером с большую почтовую марку, долил остатки коньяка в свою рюмку и присел у письменного стола.

Этот письменный стол с позолотой и обтянутым кожей верхом был сделан во времена Людовика XVI и достался графу в наследство от его крестного, великого князя Демидова. Великий князь Демидов был человеком с пышными седыми бакенбардами, пронзительными светло-голубыми глазами и золотыми эполетами. Демидов говорил на четырех языках и читал на шести. Он так никогда и не женился, представлял Россию во время переговоров с Японией в Портсмуте, управлял тремя огромными имениями и был твердо уверен в том, что под лежащий камень вода не течет. В молодости великий князь служил вместе с отцом графа в кавалергардах. После того как родители графа умерли от холеры в 1900 году, великий князь сказал молодому Ростову, что тот должен быть сильным ради своей сестры. Великий князь еще сказал тогда, что в жизни может возникнуть множество разных обстоятельств, и если человек не сумеет преодолеть эти обстоятельства, то обстоятельства преодолеют человека.

Граф провел рукой по обтянутому кожей верху стола.

Сколько писем великий князь написал, сидя за этим столом? Сколько дал точных указаний своим управляющим по самым разным поводам, сколько привел убедительных аргументов сановникам на государственной службе и дал добрых советов друзьям? В общем, это был стол с долгой и богатой историей.

Граф допил коньяк, отодвинул стул и сел на пол перед столом. Он протянул руку и, пощупав за правой передней ножкой стола, нашел защелку. Надавив на защелку, он снял ножку. Внутри ножка была пустотелой, и в обтянутой бархатом полости лежала стопка золотых монет, точно так же, как и в остальных трех ножках этого прекрасного стола.

Выброшенный на необитаемый остров англичанин

Граф начал просыпаться в полдесятого утра. Он очень любил эти утренние минуты полудремы, когда еще непонятно, бодрствуешь ты или спишь.

Он думал о том, что в течение часа окажется на свежем воздухе и, распустив усы, пройдет по Тверской. Купит «Геральд» в Газетном переулке и, проходя мимо булочной Филиппова, лишь совсем ненадолго задержится около витрины, чтобы посмотреть на выставленные в них пирожные, и снова продолжит путь на встречу со своими банкирами.

Но, стоя на перекрестке, чтобы пропустить машины и повозки, он вспомнит, что его обед в Клубе жокеев назначен на два часа, а встреча с банкирами – на половину одиннадцатого. Он подумает о том, что банкиры управляют его собственными деньгами и поэтому могут немного подождать... Он развернется, вернется к булочной Филиппова и войдет внутрь.

Там он сразу почувствует божественный запах свежей выпечки. Сладкой волной его окатят ароматы свежеспеченного хлеба, рогаликов, калачей, печенья и пирожных, которые каждый день доставляли в Эрмитаж поездом. Вся эта благодать, аккуратно расставленная в витринах, смотрела на него оттуда, как тюльпаны на цветочных рынках Амстердама. Граф подойдет к стоящей за прилавком продавщице в небесно-голубом фартуке и попросит *mille-feuille*⁵, и та умелыми руками переложит лакомство серебряной лопаточкой на фарфоровую тарелку.

Граф закажет кофе и сядет поближе к столику в углу, за которым примостились три барышни-модницы, чтобы обсудить интриги прошедшего вечера. Памятуя о том, что они находятся в общественном месте, барышни сперва будут вести разговор тихо, на пониженных тонах, но постепенно, увлеченные беседой и захваченные вихрем собственных переживаний, неизбежно начнут говорить все громче и громче, и к четверти двенадцатого все посетители булочной, включая и тех, кому совершенно неинтересны хитросплетения и интриги «мадридского двора», станут невольными слушателями излияний сердечных драм милых молодых особ.

⁵ Пирожное, которое в России называют «наполеон», во Франции именуют «мильфей», буквально – «тысячелистник».

Без четверти двенадцать граф закончит завтрак, отряхнет крошки с усов, махнет рукой продавщицам за прилавком, вежливо приподнимет цилиндр, глядя в сторону молодых дам, с которыми он успел обменяться парой вежливых фраз, и снова выйдет на Тверскую. На секунду он остановится в раздумье: куда же направить путь? Может быть, заглянуть в «Галери Бертран» и осмотреть новые поступления картин из Парижа? Или в консерваторию, чтобы послушать репетицию квартета молодых дарований, осваивающих концерт Моцарта или Бетховена? А быть может, просто пойти в Александровский сад, чтобы, сидя на скамейке, вдыхать ароматы сирени и слушать воркование голубя, царапающего лапками карниз за окном...

Карниз за окном?

– Ну уж дудки! – произнес граф. – Карниза там точно не будет.

Граф мог, конечно, улечься на другой бок лицом к стене и вернуться мыслями в Александровский сад, где мимо скамейки, на которой он сидел, проходили три барышни, знакомые ему по булочной Филиппова, чтобы сказать им: «О, какой приятный сюрприз!»

Бесспорно, это было бы очень приятно. Но представлять себе, что ты находишься не в тех обстоятельствах, в которых находишься, является путем, гарантированно ведущим к помутнению рассудка и сумасшествию.

Поэтому граф сел на кровати, поставил ноги на пол и подкрутил кончики усов. Он посмотрел на стол, некогда принадлежавший великому князю. На столе стояла невысокая рюмка для крепкого алкоголя и высокий и тонкий фужер для шампанского. Казалось, что фужер с высоты своего роста смотрит на рюмку, как Дон Кихот мог бы смотреть на своего низкорослого оруженосца Санчо Пансу в горах Сьерра-Морена. Или Робин Гуд на брата Тука в Шервудском лесу. Или как Фальстаф и принц Хэл⁶ перед воротами...

Тут в дверь раздался стук.

Граф резко встал и больно ударился головой о потолок.

– Секунду, – произнес он и, потирая макушку, принялся искать в чемодане халат. Найдя и надев его, он открыл дверь. За дверью стоял молодой человек с завтраком – кофейником со свежесваренным кофе, двумя бисквитами и так называемым фруктом дня, явившим в то утро себя в виде сливы.

– Прекрасно, Юрий, спасибо, – произнес граф, – сюда можно поставить.

Пока Юрий ставил поднос с завтраком на чемодан, граф, склонившись над столом великого князя, написал записку некоему Константину Константиновичу, проживавшему на улице Дурновского.

– Можешь распорядиться, чтобы эту записку доставили по адресу?

Юрий взял записку, обещал, что ее отправят с посыльным, и с поклоном принял чаевые. Потом он повернулся к двери и после секундного размышления спросил: «Оставить дверь немного приоткрытой?»

В комнате графа ввиду ее небольшого размера воздух был действительно довольно спертым. К тому же, кроме него, никаких других жильцов на этаже не было, поэтому никто не мог ему помешать.

– Да, пожалуйста.

Шаги Юрия затихли, и граф, положив на колени салфетку, налил в чашку кофе и добавил в него немного сливок. Он сделал маленький глоток и не без удовлетворения отметил, что, несмотря на то, что Юрию пришлось подняться на три этажа выше, чем раньше, кофе был такой же горячий, как обычно.

Вырезая десертным ножом из сливы косточку, граф краем глаза заметил серебристую тень, столь же нематериальную, как легкий дым душистой папиросы, которая проскользнула около чемодана. Граф наклонился, чтобы высокая спинка стула не заслоняла поле зрения,

⁶ Один из основных персонажей хроники Шекспира «Генрих IV» (части 1–2).

повернул голову и посмотрел в сторону чемодана, обнаружив, что серой тенью оказался проживавший в фойе отеля кот. Это был одноглазый кот породы русская голубая. Котяра, судя по всему, пришел с инспекцией новой чердачной комнаты графа. Кот вышел из тени и беззвучно запрыгнул на стоявшего на полу «посла», с «посла» – на кровать, а с кровати – на бюро на трех ножках. С бюро он обвел комнату внимательным взглядом и затряс головой, демонстрируя этим свое крайнее кошачье негодование.

– Да, – сказал граф, тоже обведя комнату глазами, – я прекрасно понимаю, о чем ты.

Комната графа была так плотно заставлена самыми разными предметами, что напоминала не жилище, а комиссионный или антикварный магазин на Арбате. В идеале комнате такого размера было бы достаточно одного стула с высокой спинкой, столика и одной лампы. Он мог бы прекрасно прожить и без лиможского фарфора своей бабушки.

А книги? Зачем он взял все свои книги?! «Заберите все!» – кажется, именно так он приказал коридорным. Оглядываясь назад, он должен был согласиться с тем, что это было довольно опрометчивым решением. Это было ребяческим желанием поставить на место красноармейцев-конвоиров и удивить коридорных. Ведь все оказавшиеся на чердаке книги не были даже его собственными. Его личная библиотека из книг мастеров прозы – Диккенса, Толстого и Бальзака – осталась в Париже. Книги, которые коридорные с трудом затащили на чердак, принадлежали его отцу и состояли главным образом из философских трудов, а также исследований по сельскому хозяйству.

С этими книгами предстояло разобраться и от большей их части избавиться.

Граф позавтракал, помылся и оделся. Потом он попытался открыть дверь в соседнюю комнату. Он с силой надавил плечом, но она не поддавалась. Судя по всему, что-то в соседней комнате мешало двери открыться. Граф вышел в коридор и осмотрел остальные комнаты, до потолка заполненные разным хламом. В последней из них среди мусора было расчищено небольшое пространство, в котором стоял старый самовар и где кровельщики или кто-то еще когда-то пили чай.

Граф вернулся в комнату и повесил в кладовку пиджаки. Он вынул из чемодана несколько пар брюк и рубашек и положил их в правый дальний угол бюро, чтобы оно стало более устойчивым. Потом он перетащил в одну из комнат с хламом чемодан, половину своей мебели и все, за исключением одной, книги отца. Таким образом, ему удалось освободить много места в своей комнате, оставив в ней лишь самое необходимое: письменный стол, стул, кровать с прикроватным столиком и стул с высокой спинкой для гостей. В результате в комнате появился проход длиной около трех метров – вполне достаточно для того, чтобы джентльмен мог в задумчивости пройти.

Он посмотрел на кота, который, сидя на стуле с высокой спинкой, тер лапой испачканные сливками усы.

– Ну что теперь скажешь, старый пират?

Сев за письменный стол, граф открыл единственную книгу, которую оставил в комнате. Прошло, наверное, лет десять с тех пор, как он впервые дал себе слово прочитать этот знаменитый труд, который так нравился его отцу. Но каждый раз, когда он, стоя перед раскрытым календарем, говорил себе: «Вот в этом месяце я точно начну читать «Опыты» Мишеля Монтеня», происходило то или иное непредсказуемое событие, из-за которого книгу приходилось откладывать. Обычно в таких случаях у него начиналась какая-нибудь новая романтическая связь, которая поглощала массу времени. Или же в этот момент ему звонили банкиры, а иногда в город привозили новый балет либо оперу.

Жизнь – очень увлекательная и соблазнительная штука.

Но вот жизненные обстоятельства сложились так, что у графа появилось свободное время, чтобы наконец прочитать эту книгу. Он взял томик в руку, уперся одной ногой в бюро, оттолкнув стул так, что тот встал на две задние ножки, и начал читать.

РАЗЛИЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ МЫ ДОСТИГАЕМ ОДНОГО

Если мы оскорбили кого-нибудь и этот человек, собираясь ответить нам, волен поступить с нами по своему усмотрению, то самый распространенный способ смягчить его сердце – это растрогать его своею покорностью и вызвать в нем чувство жалости и сострадания. Однако отвага и твердость – средства прямо противоположные – служат для достижения того же эффекта⁷.

К чтению, сидя в балансирующем на двух ножках стуле, граф пристрастился в имении Тихий Час.

В погожие весенние деньки, когда так сладко цвели сады и былинки лисохвоста поднимали свои головки над остальными луговыми травами, они с Еленой находили укромный уголок, чтобы провести там пару приятных часов. Однажды они могли пойти к огромному вязу на берегу излучины реки, а на следующий день устроиться под перголой террасы. Елена вышивала, а он, усевшись на балансирующем на двух ножках стуле, упирался ногой в ствол дерева или бортик фонтана и читал вслух ее любимые стихи Пушкина. Он переворачивал одну за другой страницы, пока иголка легко летала в ее руках над вышиванием.

– Ну вот к чему все это рукоделие? – иногда спрашивал он перед тем, как перевернуть страницу. – Ведь наверняка на каждой наволочке в доме уже вышита бабочка, а на каждом носовом платке – монограмма?

И потом он часто шутиливо обвинял ее в том, что по ночам она, как Пенелопа, распускает все, что успела вышить за день, чтобы он прочитал ей очередной томик стихов. Сестра молчала и загадочно улыбалась.

Граф оторвал глаза от страницы «Опытов» и посмотрел на портрет Елены. Портрет был написан в Тихом Часе августовской порой, и на нем Елена была изображена в гостиной перед вазой с грушами на столе. Серов с изумительной точностью передал ее черты: черные как вороново крыло волосы, легкий румянец на щеках, мягкое выражение всепрощения на лице. Кто знает, может быть, вышивание и давало ей великую мудрость? Если она была такой в четырнадцать лет, оставалось только представить, какой бы она могла быть в двадцать пять...

От этих мыслей графа отвлек негромкий стук в дверь. Он закрыл книгу и, повернувшись, увидел, что в дверном проеме стоит шестидесятишестилетний грек.

– Константин Константинович!

Он быстро опустил ноги на пол, перешагнул через порог и протянул руку гостю.

– Я рад, что вы пришли. Мы встречались с вами раз или два, не уверен, что вы меня помните, но я – Александр Ростов.

Старый грек поклонился, всем своим видом давая понять, что у него прекрасная память и ему не нужны напоминания.

– Проходите. Присаживайтесь.

Граф махнул шедевром Монтеня на одноглазого кота, который, недовольно шипя, прыгнул со стула с высокой спинкой, и жестом предложил гостю присесть, а сам устроился на стуле у письменного стола.

Грек смотрел на графа с выражением сдержанного любопытства, объяснявшегося тем, что они никогда раньше не встречались по делу – ведь граф обычно не проигрывал в карты. Поэтому Ростов взял инициативу на себя и заговорил первым.

– Как видите, Константин, обстоятельства моей жизни немного изменились.

На лице гостя графа появилось удивленное выражение.

– Честное слово, – продолжил граф. – Изменились, и довольно сильно.

⁷ Монтень М. «Опыты». Пер. Г. Кудрявцева.

Грек обвел взглядом комнату и воздел к небу руки, как бы демонстрируя, что никакие обстоятельства не являются вечными.

– Возможно, у вас возникла необходимость в получении доступа к некоторым... средствам? – высказал скромное предположение грек.

Он выдержал небольшую паузу перед словом «средства». Граф оценил эту паузу, продолжительность которой была тщательно выверена десятилетиями обсуждений весьма щекотливых и деликатных вопросов. Это была пауза, выражавшая симпатию к собеседнику и дававшая ему понять, что, несмотря на эти большие перемены, в их отношениях ничего не изменилось.

– О нет, – ответил граф и отрицательно покачал головой, как бы подчеркивая, что Ростовы никогда не занимали денег. – Напротив, Константин. Мне кажется, у меня есть кое-что, способное вас заинтересовать.

И тут граф, словно из воздуха, вытащил одну из золотых монет из ножки письменного стола великого князя, держа ее в вертикальном положении между кончиками большого и указательного пальцев.

Старый грек посмотрел на монету и медленно, с облегчением, выдохнул. Константин Константинович давал деньги под проценты и этим зарабатывал себе на хлеб, но истинное его мастерство заключалось в том, что он мог увидеть предмет, подержать в руках и определить его истинную цену.

– Позвольте... – попросил он.

– Конечно.

Тот взял в руки монету, перевернул ее и вернул назад. Грек убедился не только в том, что монета была сделана из чистого золота, но также и в том, что это была одна из пяти тысяч золотых монет, отчеканенных в честь коронации Екатерины II. В лучшие времена приобретение такой монеты у джентльмена в стесненных обстоятельствах сулило хороший барыш при перепродаже. Но сейчас времена были не самыми лучшими. Но даже и в эти времена ее можно было перепродать очень выгодно.

– Простите, ваше сиятельство, а можно ли поинтересоваться: это... единственная монета?

– Единственная? О нет! – ответил граф. – Она так же одинока, как солдат в бараче, как раб на галерах. Ни минуты в одиночестве.

Грек медленно выдохнул:

– Это очень хорошо.

Всего за пару минут они достигли договоренности. В конце беседы грек сказал, что лично доставит три письма, которые граф быстро при нем написал. Они пожали друг другу руки и договорились, что встретятся через три месяца.

Старый грек был уже на выходе, но задержался и спросил:

– Ваше сиятельство, а можно задать личный вопрос?

– Конечно.

– Можем ли мы ждать от вас новых стихов?

Граф улыбнулся:

– Дорогой Константин, время, когда я писал стихи, прошло и уже не вернется.

– Мне очень жаль, граф.

* * *

На втором этаже «Метрополя» с северо-западной стороны здания располагался ресторан «Боярский» – лучший ресторан в Москве и, вполне возможно, во всей России. В ресторане были сводчатые потолки, придававшие помещению вид боярских палат, элегантная обстановка, услужливые и предупредительные официанты, а также лучший в столице шеф-повар.

Ресторан был настолько популярен, что каждый вечер перед входом туда стояла толпа людей, но войти могли только заказавшие столик и те, чьи имена значились в книге метрдотеля Андрея. По пути до столика в противоположной стороне зала к посетителю могли обратиться на четырех языках, а обслуживали гостей официанты, одетые в белоснежные куртки.

Но все это было до 1920 года, когда большевики, которые к тому времени уже закрыли границы, решили запретить расплачиваться рублями в ресторанах. После введения этой меры двери ресторанов закрылись для девяноста девяти процентов населения страны. Поэтому в тот вечер, когда граф спустился в «Боярский», в ресторане сидели всего несколько человек, а официанты глядели в потолок.

Но изобретательный русский человек способен пережить не только период изобилия, но и период нищеты и упадка.

В 1912 году шеф-поваром ресторана «Боярский» стал Эмиль Жуковский. Он возглавил опытную команду профессионалов, получил большую и хорошо оборудованную кухню, а также самую большую кладовую с продуктами, расположенную к востоку от Вены. В этой кладовой были собраны специи и продукты со всего мира, а на крюках висели окорока, туши самых разных животных и дичь. Можно было бы сказать, что именно 1912 год стал неким мериллом и апогеем кулинарного мастерства шеф-повара, однако во времена изобилия не требуется большой выдумки, чтобы удовлетворить вкус даже самого требовательного гурмана. Для того чтобы оценить изобретательность шеф-повара, надо посмотреть, что он готовит в менее благополучные времена. Например, во время войны.

После революции и Гражданской войны страна переживала экономический спад, неурожай, и торговля с другими странами прекратилась. Специи, сыры и деликатесы стали такими же редкими, как бабочки в Атлантическом океане на полпути между Европой и Америкой. Кладовые «Метрополя» опустели, и в распоряжении шеф-повара остались лишь такие базовые продукты, как капуста, мука и лук.

О шеф-поваре Жуковском ходили разные и весьма противоречивые слухи. Некоторые говорили, что он скряга и экономит на всем. Многие считали его человеком резким и нетерпеливым. Однако никто не отрицал того, что он настоящий кулинарный гений. Позвольте описать блюдо под названием *saltimbocca*⁸, которое заказал в тот вечер граф. Вместо нежной говядины Эмиль использовал хорошо отбитую куриную грудку. Вместо пармской ветчины – украинское сало. А вместо ароматного и мягкого шалфея он использовал приправу, которая на вкус оказалась горьковатой... Это были явно не базилик или орегано, и граф терялся в догадках, чем же могла быть эта странная приправа.

– Вы довольны блюдом, ваше сиятельство?

– О, Андрей, все превосходно.

– Что скажете по поводу *saltimbocca*?

– Сама изысканность. Впрочем, у меня есть вопрос. Приправа к ветчине... Это совершенно точно не шалфей. Может быть, крапива?

– Крапива? Не думаю, ваше сиятельство. Но я уточню.

Метрдотель поклонился и отошел.

Эмиль Жуковский, бесспорно, гений, подумал граф, однако человеком, который принимал гостей «Боярского», отвечал за работу ресторана и поддерживал его репутацию, был метрдотель Андрей Дюрас.

Андрей родился на юге Франции. Он был красивым, высоким, с благородной сединой в висках. Однако наиболее запоминающейся чертой его были не рост, не волосы и не милость. Наиболее запоминающимися и впечатляющими были в нем руки. Это были бледные руки с идеальным маникюром, и пальцы Андрея были как минимум на три сантиметра длин-

⁸ Сальтимбока (блюдо римской кухни) – тушеный говяжий рулет с приправами.

нее, чем у любого другого человека его роста. Благодаря этим пальцам из Андрея мог бы получиться прекрасный пианист. Он мог стать прекрасным кукольником, который легко изобразил бы сцену дуэли Макбета и Макдуфа, за которой наблюдали все три ведьмы. Однако Андрей не сделался ни музыкантом, ни кукольником. Он стал «капитаном» ресторана «Боярский», и в этом качестве руки сослужили ему добрую службу.

Например, когда Андрей подводил к столику группу дам, казалось, что он отодвигал все стулья для них одновременно. Как только одна из дам доставала сигарету, он моментально подносил ей спичку, прикрывая другой рукой огонь (хотя в «Боярском» никогда не было сквозняка). Когда одна из дам просила порекомендовать вино, он не тыкал пальцем в винную карту, указывая на *Bordeaux* 1900 года. Он лишь слегка вытягивал палец, словно Бог Отец на фреске Микеланджело «Сотворение Адама» в Сикстинской капелле. Получив заказ, он кланялся и удалялся на кухню.

Не прошло и минуты, как двери, ведущие в кухню, открылись и из них вышел Эмиль.

Он был небольшого роста и весил сто килограммов. Шеф-повар окинул взглядом залу и двинулся в сторону графа. Андрей шел за шеф-поваром. По пути Эмиль натолкнулся на пустой стул и чуть не сбил официанта с тележкой десертов. Шеф-повар остановился напротив графа и посмотрел на него взглядом человека, который собирается вызвать своего обидчика на дуэль.

– *Bravo, monsieur*, – сказал он возмущенным тоном, – *Bravo!*⁹

После чего повернулся и двинулся в сторону двери, ведущей в кухню.

Андрей поклонился графу.

– Это действительно была крапива, ваше сиятельство. Ваши вкусовые рецепторы совершенно невозможно обмануть.

Андрей знал, что граф любит сладкое, и поэтому широким жестом показал на тележку с десертами.

– Могу ли я предложить вам кусочек сливового торта за счет заведения? – произнес он, чтобы загладить неприятный осадок, вероятно, оставшийся у гостя из-за поведения шеф-повара.

– Благодарю, Андрей. В любой другой вечер я бы не отказался, но сегодня у меня есть планы.

* * *

Граф понимал, что джентльмен должен побороть сложившиеся обстоятельства, потому что, если этого не произойдет, обстоятельства победят джентльмена. Следовательно, он должен был обдумать, как именно он собирается провести всю свою жизнь в отеле.

Эдмону Дантесу выжить в замке Иф помогали мысли о мести. Его несправедливо заточили в тюрьму, поэтому он строил планы, как отомстить обидчикам. Сервантесу, которого захватили в плен алжирские пираты, выжить помогли мечты и мысли о том, что он напишет свой роман. А Наполеон на Эльбе, прогуливаясь среди кур, отгоняя мух и обходя лужи, мечтал, как он с триумфом войдет в Париж, и это помогло ему выжить.

Однако граф не строил планов мести, он не мечтал написать книгу и не лелеял надежду на то, что возродит империю. У него был совершенно другой подход к выживанию. Можно было бы назвать этот подход англиканским. Точнее, подходом англичанина, который после кораблекрушения оказался на необитаемом острове. Точно так же, как и Робинзон Крузо, граф решил заняться *практической* стороной своего существования. Робинзон Крузо не надеялся, что его спасут, поэтому нашел источник пресной воды, научился добывать огонь трением, тщательно

⁹ Здесь: «Поздравляю, месье... Поздравляю!» (*фр.*)

изучил свой остров, его рельеф, климат, флору и фауну, не забывая при этом время от времени поглядывать на линию горизонта, чтобы не пропустить появление корабля.

Именно поэтому граф попросил старого грека передать три письма. В течение нескольких часов после встречи с греком к графу пришли два курьера: один принес из магазина «Muir & Mirrieles» хорошее постельное белье и подушку, а другой из «Петровского пассажа» принес четыре упаковки любимого графом мыла. Ну а третье послание? Курьер заходил тогда, когда граф ужинал, и оставил около его кровати небольшую синюю картонную коробку, в которой находился кусочек «милфея».

Встреча

Никогда ранее никто и нигде с таким нетерпением не ждал назначенной встречи. Ни в России. Ни в других странах мира. Если бы Джульетта сказала Ромео, что она будет ждать его не в полночь, а в полдень, молодой любовник испытал бы куда меньший восторг при появлении своей пассии, чем граф при виде человека, с которым он назначил встречу. Если бы детям Штальбаума Кларе и Фрицу¹⁰ пришлось ждать получения подарков не в полночь, а в полдень, их предвкушение праздника никак не могло бы сравниться с тем возбуждением, которое испытывал граф в ожидании колокольного звона.

Он выбросил из головы мысли о Тверской и случайной встрече с барышнями, помылся, оделся, выпил кофе, съел «фрукт дня» (коим на этот раз оказался инжир) и около десяти часов утра взял в руки томик Монтеня. Однако через каждые пятнадцать прочитанных строк его взгляд неизменно обращался к часам.

Бесспорно, граф почувствовал, когда начал ее читать днем ранее, что эта книга может оказаться не самой простой. Несмотря на то что это был всего один том, а не несколько, издание было толщиной с Библию или словарь. То есть вид у книги был не располагающий к легкому чтению, а скорее к тому, чтобы сверяться с ее текстом, консультироваться и получать при необходимости нужную информацию. Но ни в коем случае не читать ее для собственного удовольствия. Граф просмотрел страницы оглавления и увидел, что «Опыты» состояли из ста семи эссе на самые разные темы: о скорби, праздности, лжецах, предсказаниях, одиночестве, стойкости, каннибалах и сне. В общем, оглавление подтверждало опасения графа: данный опус был создан для чтения долгими зимними вечерами. Судя по всему, книга была написана для такого времени года, когда птицы уже улетели на юг, сухие поленья стоят наготове у камина, поля занесены снегом, а у читателя нет желания выходить на улицу, точно так же, как и у его друзей нет желания его навещать.

Тем не менее, посмотрев на стрелку часов, как бывалый капитан смотрит на часы, чтобы записать в корабельном журнале точное время отплытия судна, граф со вздохом еще раз прочитал название первой главы: «Различными средствами можно достичь одного и того же».

В первом эссе автор на убедительных примерах из древней истории доказывал, что если ты уж сдался на милость победителя, то надо просить, чтобы тебе сохранили жизнь.

Или же оставаться гордым и непреклонным.

После того как автор твердо заявлял, что оба подхода являются правильными и имеют право на существование, он переходил ко второй главе под названием «О скорби».

В этой главе Монтень процитировал массу античных источников с безукоризненной репутацией, без тени сомнения доказавших, что грусть – это чувство, которым стоит поделиться с другими.

Или держать его при себе.

¹⁰ Герои сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король»; в русской интерпретации часто – Мари/Маша и Миша.

В середине третьей главы граф поймал себя на том, что он посмотрел на часы четыре или пять раз с тех пор, как начал чтение. А может быть, и шесть. Несмотря на то что точное количество взглядов на часы осталось неизвестным, было очевидно, что часы уже неоднократно привлекали его внимание.

Но, с другой стороны, стоило признать, что это был действительно удивительный хронометр.

Он был изготовлен по заказу отца графа известной фирмой «Breguet». Белый эмалевый циферблат размером с грейпфрут был асимптотически наклонен к корпусу и основанию из лазурита. Внутри корпуса находился механизм с драгоценными камнями, выполненный часовых дел мастерами, которые прославились на весь мир качеством своей работы и стремлением к идеальной точности. И молва о репутации этих мастеров была полностью оправданной. Пока граф продирался сквозь третью главу (в которой Платон, Аристотель и Цицерон были свалены в одну кучу с императором Максимилианом), он слышал каждый секундный тик часов.

«Десять двадцать и пятьдесят пять секунд», – говорили часы.

«Десять двадцать и пятьдесят шесть».

«Сорок восемь».

«Пятьдесят пять».

Эти часы отбивали секунды так же безошибочно и четко, как Гомер описывал состав греческого войска, а святой Петр перечислял грехи грешника.

– Так где же я сейчас читаю? Ах да, глава третья.

Граф чуть отодвинул стул влево, чтобы не видеть циферблата и часов вообще, после чего начал искать место, на котором остановился. Он был твердо уверен, что это был пятый параграф на пятнадцатой странице, однако содержание этого места показалось ему совершенно непонятным и оторванным от ранее прочитанного, так что он перечитал несколько предшествующих параграфов. В результате ему пришлось вернуться на три страницы назад, пока он не нашел последний прочитанный параграф, показавшийся ему знакомым, после чего возобновил чтение.

– Так вот как, значит, с тобой получается, – ответил он Монтеню. – Шаг вперед и два назад?

Граф решил показать, кто здесь контролирует ситуацию и является главным, и дал себе обещание, что не посмотрит на часы до тех пор, пока не прочтет до двадцать пятой главы, или эссе. Полный решимости, он быстро прочитал четвертое, пятое и шестое эссе. Седьмое и восьмое он прочитал еще с большей стремительностью. Казалось, что до двадцать пятой главы рукой подать, что она так же близка, как графин с водой на столе.

Однако по мере прочтения глав одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой прогресс продвижения к цели замедлился. Ему показалось, что книга лежала уже не на столе, а была в Сахаре. Он уже выпил всю свою воду и вскоре будет ползти по предложениям, как по песку, чтобы доползти до конца страницы и увидеть, что за ней следует еще одна такая же безводная и сухая страница.

«Ну что ж, – подумал граф. – Как идет, так и идет...»

Пробило одиннадцать часов.

Он перешел к главе шестнадцатой.

И вот постепенно длинная минутная стрелка догнала своего коротконового собрата в верхней части циферблата. Две стрелки слились, и пружинки внутри часов распрямились, колесики завертелись, послышался удар миниатюрного молоточка, и начался бой часов, возвещавший о наступлении полудня.

Передние ножки стула графа громко ударились об пол, а месяе Монтень дважды перевернулся в воздухе и лишь после этого упал на покрывало кровати. На четвертом ударе граф уже спускался по служебной лестнице, а на восьмом вошел в фойе первого этажа, пересек его

и двинулся в сторону салона Ярослава Ярославского – непревзойденного парикмахера отеля «Метрополь».

* * *

Историки утверждают, что на протяжении последних двух столетий наша культура распространялась по стране из салонов Петербурга. Именно из расположенных на Фонтанке салонов новые блюда, моды и идеи делали робкие шажки в русском обществе. Но происходило все это исключительно потому, что под салонами, зачастую в полуподвалах и подвалах, находилось много людей, которые своим трудом обеспечивали хорошую жизнь наверху. Это были повара, дворецкие, лакеи, курьеры, которые работали для того, чтобы общество могло обсудить теорию Дарвина и новые картины Мане.

Точно по такой же схеме работал и «Метрополь».

Начиная с открытия отеля в 1905 году там собиралась самая интеллектуальная, влиятельная и блистательная публика, однако яркий глянец и безукоризненная элегантность этих людей обеспечивались усилиями сотрудников нижних этажей.

Спустившись по мраморным ступенькам, граф прошел мимо газетного киоска, в котором его внимание пытались привлечь сотни передовиц, на тот исторический момент все напечатанные кириллицей.

Следующим после газетного киоска был цветочный магазин Фатимы Федоровны. В тот исторический период людям было не до цветов, поэтому еще в 1920 году магазин закрылся. Одно из самых красивых мест в отеле превратилось в одно из самых унылых. В свое время здесь продавали цветы охапками. Именно этот магазин был ответственным за цветочное убранство фойе, отсюда в номерах гостей появлялись лилии, букеты роз, которые бросали к ногам балерин Большого, а также цветки, украшавшие пиджаки джентльменов, эти букеты бросавших. Фатима превосходно владела языком цветов, принятом в светском обществе со времен рыцарства. Она прекрасно знала, какой цветок следует послать в виде извинения за проступок, какой – за опоздание, какой – если человек сказал что-то не в попад или проявил излишний интерес к девушке во время танцев, не подозревая о том, что у нее уже есть ухажер, партнер или благодетель. Одним словом, Фатима знала запах, цвет и смысл цветка лучше пчелы.

«Ну что ж, – размышлял граф, – магазин Фатимы закрыт точно так же, как были закрыты цветочные магазины Парижа во время правления Робеспьера. Но сейчас Париж утопает в цветах. Значит, рано или поздно и в «Метрополе» все вернется на круги своя».

В конце коридора находилась парикмахерская Ярослава. Это была политически нейтральная страна точности и оптимизма, своего рода Швейцария отеля. Раз уж граф собрался выжить самым практичным образом и преодолеть обрушившиеся на него обстоятельства, ему стоило придерживаться графика еженедельных встреч с Ярославом для стрижки.

Когда граф вошел в парикмахерский салон, Ярослав обслуживал седовласого тучного господина в светло-сером. Человек в мятом пиджаке сидел на скамейке у стены. Ярослав приветствовал графа улыбкой и показал ему на пустое кресло рядом с ним.

Граф сел в кресло, кивком головы поприветствовал господина, над которым работал Ярослав, откинулся на спинку и стал изучать самый выдающийся предмет в салоне, а именно *кабинет*. Если мы откроем словарь «Larousse», чтобы найти определение слова «кабинет», то прочтем следующие строки: «Предмет мебели, часто с декоративными деталями, в котором вещи хранятся так, что их не видно». Очень хорошее определение, применимое ко всему, от серванта или шкафа на деревенской кухне до творений Томаса Чиппендейла¹¹ в Букингемском

¹¹ Чиппендейл Томас (Thomas Chippendale, 1718–1779) – крупнейший мастер английского мебельного искусства эпохи

дворце. Однако изготовленный из никеля и стекла кабинет Ярослава был построен совсем по другому принципу и создан исключительно для того, чтобы не скрывать, а демонстрировать свое содержимое.

Можно сказать, что этот кабинет был вправе гордиться своим содержимым, среди которого было французское мыло, обернутое в вошеную бумагу, британская пена для бритья в банках из слоновой кости и итальянский тоник в склянках замысловатых форм. А что стояло у самой дальней стенки кабинета? Небольшая бутылочка из темного стекла, которую Ярослав, подмигивая глазом, называл «фонтан молодости».

В зеркале граф наблюдал, как Ярослав работает над клиентом двумя ножницами одновременно. Ножницы в руках Ярослава напоминали умелого танцовщика балета, ноги которого исполняют в воздухе антраша. Постепенно, по мере работы, ножницы начинали летать все быстрее и быстрее, словно казак, танцующий гопака. После того как ножницы вспорхнули в последний раз, хотелось, чтобы занавес упал, публика устроила овацию, а цирюльник раскладывался.

Ярослав снял белоснежную накидку с клиента, встряхнул ее и щелкнул каблуками, принимая плату за мастерски выполненную работу. Господин вышел из парикмахерской заметно посвежевший и помолодевший, а Ярослав подошел к графу с новой белоснежной накидкой.

- Как у вас дела, ваше сиятельство?
- Великолепно, Ярослав, все великолепно.
- И что желаете сегодня?
- Просто подровнять, друг мой, просто подровнять.

Ножницы начали летать в руках Ярослава. Граф взглянул на плотного посетителя, сидевшего на скамейке у стены, и увидел, что тот переменялся в лице. Граф совсем недавно дружески ему кивнул, но совершенно неожиданно лицо мужчины покраснело. И покраснело не только лицо, но и уши.

Граф смотрел в глаза мужчине, планируя еще раз кивнуть, когда тот на него посмотрит, но мужчина тяжелым взглядом уставился в спину Ярослава.

- Я был следующим, – сказал он.

Как многие увлеченные своим делом люди, Ярослав не услышал этой ремарки и продолжал спокойно и быстро работать, поэтому мужчина повторил более громким тоном:

- Я был следующим.
- Ярослав услышал его и вежливо ответил:
- Сейчас, минуточку, пожалуйста.
 - Это вы мне уже говорили, когда я сюда пришел.

Фраза прозвучала очень враждебно, поэтому Ярослав перестал стричь графа и с удивленным выражением повернулся к мужчине.

Несмотря на то, что графа учили никогда не вступать в чужие разговоры, он почувствовал, что парикмахер не должен в данной ситуации ничего объяснять.

- Я постоянный клиент, и по вторникам в двенадцать мое время стрижки. Так что поймите Ярослава правильно, – сказал граф.

- Мужчина уставился на графа.
- Ваше время стрижки?
- Да.

Мужчина поднялся так резко, что скамейка упала на пол. Он оказался высоким, выше ста девяноста сантиметров. Его сжатые кулаки были такими же красными, как и уши. Он сделал шаг вперед, и Ярослав, стоя к нему лицом, отступил назад на шаг, уткнувшись в кабинет спиной. Мужчина вырвал из рук Ярослава ножницы, потом повернулся к графу, схватил его за

воротник и одним движением ножниц отрезал у него правый ус. Затем он приподнял графа и, глядя ему в глаза, угрожающе произнес: «У тебя очень скоро будет твое постоянное время!»

После этого он бросил ножницы на пол, отпустил воротник графа и вышел из парикмахерской.

– Ваше сиятельство! – в ужасе воскликнул Ярослав. – Первый раз в жизни я вижу этого человека! Я даже не уверен, что он живет в отеле. Но я вам клянусь, что здесь его точно не будут обслуживать.

Граф встал и хотел уже с негодованием что-нибудь сказать или подобающим образом отомстить за эту удивительную грубость. Но что он мог знать про человека, который на него совершенно неожиданным образом напал?

В тот момент, когда он его в первый раз увидел, этот мужчина своим помятым пиджаком произвел на него впечатление какого-то рабочего, который забрел в «Метрополь» и решил побаловать себя хорошей стрижкой. Но вполне возможно, что этот персонаж мог оказаться одним из новых постояльцев со второго этажа, человеком, который начинал рабочим, потом стал членом профсоюза в 1912 году, возглавил забастовку в 1916-м, в 1918-м командовал батальоном Красной армии, а сейчас возглавлял одну из отраслей промышленности.

– По сути, он был прав, – сказал граф Ярославу. – Он долго ждал. Вы знали о том, что у меня время в двенадцать по вторникам, а он – нет. Я должен был предложить ему пройти передо мной.

– Но что мы теперь будем делать?

Граф повернулся к зеркалу и впервые за несколько лет внимательно рассмотрел свое отражение.

Он много лет считал, что настоящий джентльмен не должен верить зеркалам. Зеркала зачастую являются не средством самопознания, а средством самообмана. Сколько раз в жизни он наблюдал, как красotka поворачивается к зеркалу на тридцать градусов, чтобы рассмотреть себя с лучшего ракурса. (Словно весь мир будет всегда лицезреть ее только под таким углом!) И сколько раз он видел, как дама в летах и нарядах, модных несколько десятилетий назад, смотрелась в зеркало, и все, как казалось ей, было *au courant*¹² лишь только потому, что само зеркало было в раме тех самых лет, что и ее наряды? Граф с гордостью носил прекрасно сшитый пиджак, но понимал, что джентльмена за версту видно по его осанке, манерам и высказываниям. А не по покрою сюртука.

Да, подумал граф, Земля крутится, и мир меняется.

Более того, вращаясь вокруг Солнца, Земля крутится еще и вокруг своей оси. Кроме этого, крутится и вся галактика, колесо в еще более огромном и масштабном колесе, и звук при этом совсем другой, чем тот, который издают часы, когда бьют своим маленьким молоточком. И когда звучит музыка сфер, тогда зеркало начинает неожиданно отражать человека не таким, каким он себя представляет, а таким, каким он стал.

Граф снова сел в кресло.

– Надо побриться, друг мой, – сказал он Ярославу. – Надо побриться.

Знакомство

В отеле было два ресторана: «Боярский» – расположенное на втором этаже заведение класса люкс, в котором мы уже были, – и второй, находившийся на первом этаже, который назывался «Метрополь», но который граф любовно окрестил «Пьящей».

Вне всякого сомнения, «Пьяцца» была местом более демократичным и не отличалась изысканной кухней. Но она и не стремилась быть суперэлегантной или выделиться обслужи-

¹² Модным (фр.).

ванием. В этом ресторане насчитывалось восемьдесят столов, расположенных вокруг фонтана, и в меню были пироги с капустой и котлеты из говядины. Задумка была в том, чтобы «Пьяцца» являлась как бы продолжением города – его садов, площадей, рынков и дорог. Это было место, в котором представители самых разных слоев населения могли заказать кофе, встретиться с друзьями, поговорить, поспорить или, наоборот, найти союзника. В этом месте мужчина, обедающий под стеклянным куполом в полном одиночестве, мог, не вставая со стула, многое услышать: смех, слова обожания, негодования или подозрения.

И какие же здесь были официанты? Они были очень похожи на официантов парижских кафе, и если говорить о них коротко, то они были «эффективными». Официанты эти умели пробираться сквозь толпу и с легкостью размещали компанию из восьми человек за столиком для четверых. Когда клиенты высказывали им свои пожелания: ближе или дальше они хотели бы сидеть от оркестра, – те сажали людей, молниеносно возвращаясь с напитками, которые быстро, словно карты, раскидывали по столу, всегда ставя нужный напиток перед тем, кто его заказал. Если вы сомневались в том, что заказать, официант незамедлительно склонялся к меню и тыкал пальцем в блюдо, которое удастся повару лучше всего. После того как вы хотели расплатиться, официант убирал посуду, выдавал счет и рассчитывал вас ровно за одну минуту. Одним словом, официанты знали свое дело до последней крошки, ложки и копейки.

Так, по крайней мере, все было до войны...

Но в тот день в ресторане было почти пусто и графа обслуживал человек, не только новый для этого ресторана, но и для всего ресторанного бизнеса в целом. Он был худым и высоким, с узким лицом и высокомерным видом. Казалось, что это фигура офицера, снятая с шахматной доски. Это был поистине чудовищно дремучий официант. Когда граф сел за стол с газетой, что во всем мире означает, что человек собирается есть в одиночестве, официант не убрал со стола прибор для второго человека. После того как граф сделал свой выбор и положил меню на скатерть рядом с тарелкой, что везде означает, что он готов сделать заказ, ему пришлось долго ждать, а потом подзывать этого малого жестом руки. После того как граф заказал окрошку и филе морского языка, этот остолоп предложил ему «Sauterne»¹³. Очень удачное предложение, но только в случае, если бы граф ел фуа-гра.

– Нет, лучше бутылочку «Château de Baudelaire»¹⁴, – предложил граф.

– Да, конечно, – ответил «офицер» с бездумной военной улыбкой.

Бесспорно, бутылка «Baudelaire» была излишним шиком для обеда в одно лицо, но утомленный Мишелем Монтенем граф чувствовал, что его боевой дух падает и нуждается в поддержке. Вот уже несколько дней граф пребывал в нервном и возбужденном состоянии. Спускаясь в фойе, он обратил внимание, что отсчитывает ступеньки. Сидя на своем любимом стуле и просматривая заголовки в газете, он поймал себя на том, что пальцы его поднимались к лицу, чтобы подкрутить несуществующие усы. Он заметил, что начал приходить к двери ресторана ровно в 12:01, а выходить из нее в 13:35, чтобы подняться на 110 ступенек к себе в комнату и в уме посчитать, через какое время он сможет спуститься вниз, чтобы выпить. Если такое будет продолжаться и дальше, то есть потолок будет проваливаться, пол – подниматься, а стены – двигаться к центру комнаты, ни к каким приятным последствиям это не приведет. В этом случае весь отель «сожмется» до размера коробки с печеньем.

В ожидании вина граф окинул взглядом ресторан, но никто из присутствовавших его не порадовал. Через стол от него сидели два дипломата, ковырявшие еду в ожидании наступления светлой эры дипломатии. За дальним столом устроился гражданин в очках. На столе он разложил массу отпечатанных страниц и, очевидно, сверял их слово в слово. Никто не весе-

¹³ Сотерн – французское белое десертное вино, обычно подается к фуа-гра и острым сырам.

¹⁴ «Замок Бодлера» (фр.) – вымышленное название вина, связанное с именем французского поэта Шарля Бодлера (1821–1867), писавшего, кроме прочего, о вине, гашише и других средствах изменения сознания.

лился, никто не обращал на графа внимания. Никто, кроме одного человека. Это была девочка, имевшая склонность ко всему желтому, которая сидела за фонтаном и, казалось, наблюдала за графом.

Однажды Василий объяснил графу, что эта девятилетняя девочка со светлыми волосами была дочкой овдовевшего украинского бюрократа. Как всегда, девочка сидела со своей гувернанткой. Когда она поняла, что граф на нее смотрит, она мгновенно спряталась за меня.

– Ваше первое, – произнес «шахматный офицер».

– Спасибо, любезный. Очень аппетитно выглядит. Не забудь про вино!

– Конечно!

Граф сосредоточил внимание на окрошке и подумал, что она, должно быть, недурна. Наверняка всем сидевшим в этом ресторане русским в детстве делала окрошку бабушка, они ее часто ели, и всем им есть с чем сравнивать это блюдо. Поэтому, закрыв глаза, граф взял в рот первую ложку окрошки. Он обратил внимание на правильную температуру, но тут же ощутил избыток соли, недостаточное количество кваса, однако при этом – яркий вкус раннего укропа, от которого, кажется, начинаешь слышать стрекотание кузнечиков, когда лежишь на сеновале, от чего на душе становится тихо и спокойно.

Впрочем, когда он открыл глаза, то чуть не выронил ложку. Рядом с его столом стояла девочка, любившая носить желтые платья. Она рассматривала его с непозволительным интересом, с каким смотрят только дети и собаки. Шок от неожиданного появления девочки только усиливало ее платье ярко-лимонного цвета.

– Куда они делись? – спросила девочка, даже не представившись.

– Прости, ты о чем?

Она наклонила голову, словно старалась получше его рассмотреть.

– Усы, что же еще.

Граф не так часто общался с детьми ее возраста. Он вообще был воспитан с пониманием того, что ребенок не должен ни обращаться к незнакомцам, ни прерывать его во время еды, и уж точно не задавать вопросов о его внешнем виде. Неужели в современных школах не учат детей не вмешиваться в чужие дела?

– Они улетели, – ответил он. – Как ласточки зимой в теплые края.

Граф изобразил рукой порхание, демонстрируя, как ласточки улетают в теплые края, и прозрачно намекая, что и девочке надо сделать то же самое.

Девочка кивнула с выражением полного удовлетворения его ответом.

– А я этим летом тоже уеду.

Граф наклонил голову, как бы ее с этим поздравляя.

– К Черному морю, – добавила девочка.

Потом она неожиданно отодвинула пустой стул и села.

– Хочешь ко мне присоединиться? – немного запоздало спросил он.

Вместо ответа она поерзала на стуле, усаживаясь поудобнее, и положила локти на стол. На ее шее висел на золотой цепочке какой-то кулон или медальон. Граф посмотрел в сторону гувернантки девочки в надежде призвать ту к выполнению ее прямых обязанностей, но гувернантка, видимо, по опыту знала, что лучше всего было спрятаться за открытой книжкой.

Девочка, как кошка, наклонила голову.

– А ты действительно граф?

– Ох, как еще действительно.

Ее глаза сделались больше.

– А принцесс ты знал?

– Я знал очень много принцесс.

От этой информации она еще больше округлила глаза.

– А принцессой сложно быть?

– Ужасно.

В этот момент, несмотря на не доеденную графом крошку, появился «шахматный офицер» с рыбой, убрал тарелку с первым и поменял ее на тарелку со вторым.

– Спасибо, – сказал граф, все еще держа в руке ложку.

– Пожалуйста.

Граф открыл было рот, чтобы поинтересоваться, куда подевалась бутылка заказанного им «Baudelaire», но «шахматный офицер» уже удалился. Когда граф снова повернулся к столу, то увидел, что девочка во все глаза смотрит на рыбу.

– Что это такое? – поинтересовалась она.

– Филе морского языка, – объяснил граф.

– А это вкусно?

– А ты что, сама не обедала?

– Мне не понравилось.

Граф отрезал кусочек рыбы, положил его на другую тарелку и протянул ей.

– С наилучшими пожеланиями.

Она вилкой зацепила весь кусок и засунула в рот.

– Вкусно! – сказала она, что было полной правдой. Потом девочка грустно улыбнулась, вздохнула и уставилась на содержимое его тарелки.

– Хм, – произнес граф.

Он забрал у нее тарелку, переложил на нее половину своего филе, а также половину гарнира из моркови и шпината и снова передал ей. Девочка опять поерзала на стуле, аккуратно отодвинула на край тарелки овощи, разрежала филе на четыре одинаковые части и положила в рот один кусок.

– А как принцесса проводит день? – спросила она.

– Как и любая другая молодая дама.

Девочка кивнула головой, давая понять, что внимательно его слушает и просит продолжать.

– Утром у нее уроки французского, истории и музыки. После занятий она может погулять с подругами в парке или сходить в гости. И во время обеда принцесса обязательно ест гарнир из овощей.

– Мой папа говорит, что принцессы являются символом декаданса ушедшей эпохи.

Граф сделал удивленное лицо.

– Может быть, некоторые из них, но далеко не все.

Она помахала в воздухе вилкой.

– У меня прекрасный папа. Он все знает о тракторах. Но он ничего не знает о принцессах.

Граф поднял брови и кивнул.

– А ты когда-нибудь был на балу? – спросила она после недолгого раздумья.

– Конечно.

– И танцевал?

– Да, что было, то было. Я скользил по паркету, – ответил граф с блеском в глазах. С тем самым блеском, который привлекал красавиц в салонах Петербурга и Москвы.

– Скользил по паркету?

– Совершенно верно, – ответил граф.

– А ты жил в замке?

– Замки в нашей стране встречаются не так часто, как в сказках, – объяснил граф. – Я много раз обедал в замках...

Девочка сочла его ответ, возможно, не самым исчерпывающим, но приемлемым. Она нахмурила брови, засунула в рот очередной кусок филе и принялась тщательно жевать. Потом она наклонилась в его сторону.

– А ты дрался на дуэли?

– Приходилось ли мне участвовать в *affaire d'honneur*?¹⁵ – Граф задумался и грустным голосом добавил: – В некотором смысле, да...

– С пистолетами на расстоянии тридцати двух шагов?

– В моем случае дуэль была более символической.

Девочку не удовлетворил его ответ, потому что он не был достаточно конкретным, и граф это заметил.

– Мой крестный отец был секундантом на нескольких дуэлях, – пояснил он.

– Секундантом?

– После того как два джентльмена договорятся о том, чтобы решить вопрос чести на дуэли, каждый выбирает себе секунданта. Секундант – это своего рода помощник. Секунданты договариваются о правилах и условиях дуэли.

– Об условиях дуэли?

– Да, надо договориться о месте и времени дуэли. О том, какое оружие использовать, на каком расстоянии дуэлянты будут стреляться, а также о том, сколько выстрелов они произведут.

– А где жил твой крестный?

– Здесь, в Москве.

– И все дуэли, на которых он был секундантом, проходили в Москве?

– Одна из дуэлей была в Москве. Любопытно, что поссорились ее участники именно в этом отеле. Дуэлянтами были князь и адмирал. Они уже давно друг друга недолюбливали, но однажды вечером столкнулись в фойе отеля, и тогда один из них вызвал другого на дуэль, ударив его перчаткой по лицу.

– А где именно в фойе это произошло?

– Около стойки регистрации.

– Я очень часто там сижу!

– Совершенно верно, именно там.

– Они оба были влюблены в одну женщину?

– Мне кажется, что в тот раз обошлось без женщин.

На лице девочки появилось выражение недоверия.

– Женщина обязательно должна быть причиной дуэли, – произнесла она.

– Да. Наверное. В любом случае один из участников счел, что затронута его честь, потребовал извинений, их не получил и ударил обидчика по лицу перчаткой. В то время управляющим отеля был немец по фамилии Кеффлер, который сам был бароном. Говорят, что барон хранил в своем кабинете пару дуэльных пистолетов и у него встречались секунданты для того, чтобы обсудить дуэль, договориться о времени, оружии и других деталях.

– И в предрассветный час...

– В предрассветный час.

– Где-то в уединенном месте...

– Где-то в уединенном месте.

Она еще ближе наклонилась в сторону графа.

– Онегин убил на дуэли Ленского.

Она произнесла эти слова почти шепотом, словно то, о чем писал Пушкин, являлось строжайшим секретом.

– Да, – прошептал граф в ответ. – И самого Пушкина, между прочим, тоже убили на дуэли.

Она утвердительно кивнула.

¹⁵ Дело чести, дуэль (*фр.*).

– В Петербурге. На Черной речке.

– В Петербурге, на Черной речке.

Девочка доела рыбу. Она положила салфетку на тарелку и кивнула, показывая графу, что весьма довольна им как собеседником, потом встала.

– Ты мне больше нравишься без усов, – заметила она после некоторого раздумья. – Без усов тебе идет.

Потом она сделала книксен и исчезла за фонтаном.

* * *

«Дело чести, *affaire d'honneur...*» – грустно думал граф, сидя вечером в баре отеля с бокалом коньяка.

Бар был расположен в фойе. В нем была стойка из красного дерева и задняя стенка, плотно заставленная бутылками. Это был бар несколько в американском стиле, и про себя граф называл его «Шаляпиным» в честь великого певца, который часто заходил в него до революции. Раньше здесь всегда было много людей, но в тот вечер посетителей было мало и обстановка в целом напоминала пустую церковь между службами, место дум и размышлений. Впрочем, такая атмосфера очень подходила настроению графа в тот вечер.

Граф думал о том, насколько благородным может показаться практически любое действие или намерение человека, если его описать на хорошем французском...

– Вам помочь, ваше сиятельство?

Эти слова произнес бармен по имени Аудриус – литовец со светлой короткой бородкой и улыбкой на губах. Аудриус был отменным барменом. Как только клиент садился за стойку, он наклонялся к нему и вежливо спрашивал, что тот будет пить. Едва гость заканчивал напиток, бармен снова появлялся точно из-под земли, чтобы спросить, не желает ли он чего-нибудь еще. Впрочем, граф не совсем понял, чем именно литовец хотел ему помочь.

– Вам помочь надеть пиджак? – уточнил Аудриус.

Действительно, граф никак не мог просунуть руку в рукав пиджака. Собственно говоря, он не очень хорошо помнил, зачем и когда снял пиджак. Граф, как обычно, вошел в бар «Шаляпин» ровно в шесть часов вечера. У него была привычка выпивать один (но не более!) аперитив перед ужином. Однако за обедом граф так и не дождался бутылки «Baudelaire», поэтому в тот вечер позволил себе два бокала «Dubonnet»¹⁶. Ну а потом немного бренди. И коньяку. И кажется, граф выпил лишнего...

– Который час, Аудриус?

– Десять, ваше сиятельство.

– Десять?!

Аудриус вышел из-за стойки и помог графу подняться со стула. Вежливо поддерживая графа под руку (в чем, впрочем, не было никакой нужды), Аудриус повел его через фойе.

– А знал ли ты, Аудриус, что дуэли появились в среде русских офицеров в начале 1700-х годов? Русские дворяне с таким энтузиазмом дрались на дуэлях, что царю пришлось их запретить, потому что он боялся, что аристократы перебьют друг друга и в армии не останется офицеров.

– Нет, ваше сиятельство, я об этом не знал, – ответил Аудриус с улыбкой.

– Тем не менее это истинная правда. Дуэль является одной из важнейших сюжетных линий таких произведений, как «Евгений Онегин», «Война и мир», «Отцы и дети» и даже «Братья Карамазовы»! Судя по всему, несмотря на их фантазию и гений, русские классики не могли придумать более интересного сюжетного хода, чем столкновение главных героев на

¹⁶ Дюбонне – аперитив на основе крепленого вина, ароматизированный корой хинного дерева и различными травами.

дуэли, где они решают свои противоречия, стреляясь из пистолетов на расстоянии тридцати двух шагов.

– Я вас понимаю. Но вот мы и у лифта. Нажать кнопку пятого этажа? – спросил Аудриус.

Граф понял, что стоит у лифта, и с выражением ужаса на лице посмотрел на бармена.

– Аудриус, я никогда в жизни не ездил на лифте!

Граф похлопал литовца по плечу и стал подниматься по лестнице. Он дошел до площадки второго этажа и сел на ступеньку.

– Почему же именно в нашей стране дуэли стали такими популярными? – задал он обращенный в пространство риторический вопрос.

Некоторые ответили бы на него очень просто. Они бы сказали, что это всего лишь пережиток варварства. Принимая во внимание длинные и холодные зимы, неурожай, голод, весьма слабую защиту подданных со стороны системы правосудия, широко распространенное представление о том, что никто тебя не защитит, если ты не защитишь себя сам, а также массу других факторов, можно было понять, почему дворяне выбрали дуэль в качестве лучшего, хотя и насильственного средства решения споров и разногласий. Однако, по мнению графа, русские любили дуэли еще и потому, что их всегда привлекали события славные и грандиозные.

На дуэлях стрелялись или дрались рано утром, в уединенном месте, без лишних свидетелей. Стрелялись ли на дуэлях где-нибудь около помоек или свалок? Конечно, нет! На дуэлях дрались на заметенных снегом полянах, окруженных березовыми рощами. На красивых берегах рек. На окраинах обширных родовых поместий, где ветер раскачивает верхушки деревьев. То есть в идиллической сельской местности, которую можно увидеть на декорациях второго акта оперы.

Чем красивее обстановка и чем опаснее и величественнее кажется занятие, тем в России найдется больше людей, которые готовы этим занятием заниматься, безотносительно к тому, чем именно оно является. С годами дуэлянты стали выбирать все более красивые места для проведения дуэлей, а причины конфликтов, из-за которых люди были готовы драться, становились все более пустячными и мелкими. Дуэли появились для того, чтобы дать возможность отомстить за какой-либо серьезный проступок – предательство, обман или супружескую измену. Однако к началу XX века люди начали стреляться из-за неправильно поставленной в письме запятой, показавшегося невежливым взгляда или недостаточно высоко приподнятой шляпы при встрече.

Существует определенный международный кодекс дуэлянтов. Согласно этому кодексу количество шагов, разделяющих дуэлянтов перед выстрелом, должно быть обратно пропорционально тяжести нанесенного оскорбления. Иными словами, чем непростительнее кажется оскорбление, тем количество шагов между дуэлянтами должно быть меньше, чтобы одного из них гарантированно унесли с места дуэли ногами вперед. Следовательно, думал граф, в наше время обмельчания причин, по которым люди вызывают на дуэль, стреляться надо по крайней мере на расстоянии тысячи шагов. То есть после удара перчаткой по щеке надо назначить секундантов, затем обиженная сторона должна сесть на корабль, отплывающий в Америку, а обидчик – на пароход, отбывающий в Японию. После прибытия в место назначения каждый из дуэлянтов должен надеть элегантное пальто, сойти на берег, достать пистолет, направить его в сторону моря и выстрелить.

Ну так вот...

Через пять дней после описанных выше событий граф с большим удовольствием принял приглашение отпить чаю вместе со своей новой знакомой – Ниной Куликовой. Они договорились встретиться в три часа дня в чайной комнате отеля, расположенной в северо-западном крыле на первом этаже. Граф пришел на пятнадцать минут раньше и занял столик на двоих

около окна. Когда в пять минут четвертого прибыла его спутница, одетая в светло-желтое платье с черным поясом (которое делало ее очень похожей на нарцисс), он встал и вежливо отодвинул ей стул.

– *Merci*, – поблагодарила Нина.

– *Je t'en prie*¹⁷, – ответил граф.

Потом граф подозвал официанта и заказал самовар. На небе над Театральной площадью собирались грозовые тучи, и они обсудили вероятность того, что скоро начнется дождь. Как только официант принес самовар и пирожные, выражение лица Нины сделалось серьезным. Стало очевидно, что она хочет что-то обсудить.

Возможно, кто-то мог бы подумать, что перемена темы разговора и резкий переход к делу не соответствуют хорошему тону, но только не граф. Напротив, граф считал, что быстрый переход к делу за чаем является совершенно нормальным явлением и нисколько не нарушает этикета чаепития. Люди пьют чай вместе, вполне возможно, только для того, чтобы обсудить то, что их волнует.

Все чаепития, на которые когда-либо приглашали графа, проходили по этой схеме. Где бы те ни происходили: в гостиной с окнами, выходящими на Фонтанку, или в чайной, или в ресторане в городе – до того как кто-либо успел прикоснуться к сладкому, приглашающая сторона четко объясняла причину встречи. Переход от разговора на общие темы и светского обмена любезностями происходил зачастую при помощи одного слова или фразы.

Любимой вступительной фразой бабушки графа были слова: «Я слышала, Александр...» Например: «Я слышала о тебе, Александр, не самые приятные вещи, мой мальчик...» Очаровательная заложница своего собственного сердца княгиня Полякова переходила к делу следующим образом: «Ох, Александр! Я совершила ужасную ошибку...» Юная Нина, судя по всему, в качестве такого «вступительного слова» использовала фразу: «Ну так вот...»

– Совершенно верно, Александр Ильич. Еще одна сильная гроза, и все цветки сирени сдует. Ну так вот...

Граф почувствовал по тону ее голоса, что Нина переходит к делу. Он подбоchenился, наклонился к собеседнице под углом семьдесят градусов и придал лицу выражение серьезное, но при этом совершенно нейтральное. В зависимости от последующих слов Нины выражение его лица было готово отразить чувство сострадания и симпатии, заботы или возмущения.

– Я была бы очень признательна, – продолжала Нина, – если бы ты подробнее рассказал мне о правилах жизни принцессы.

– О правилах?

– Да, о правилах.

– Но, дорогая Нина, – заметил граф с улыбкой, – быть принцессой – это совсем не игрушки.

Нина смотрела на графа. Было очевидно, что, несмотря на то, что граф делает вид, будто ее не понимает, у нее хватит терпения и она дожидается ответа на свой вопрос.

– Я уверена, что ты понимаешь, о чем я говорю. Хотелось бы узнать, какого поведения ожидают окружающие от принцессы.

– А, ну хорошо.

Граф откинулся на спинку стула, чтобы обдумать вопрос.

– Мы уже недавно говорили о том, что принцесса изучает целый ряд гуманитарных предметов. Кроме этого, она уделяет много времени тому, чтобы у нее были светские манеры. Она должна знать, как вести себя в обществе, должна научиться хорошим манерам за столом, как правильно к людям обращаться, как держать себя, как сохранять безупречную осанку...

¹⁷ Пожалуйста (*фр.*).

Нина благосклонно выслушала все перечисленные пункты и оживилась при упоминании графом осанки.

– Осанка? А разве осанка имеет отношение к манерам?

– Имеет, – после краткого раздумья ответил граф. – Например, человек, который сутулится, может произвести впечатление ленивого или продемонстрировать, что у него просто нет интереса к окружающим его людям. Правильная и ровная осанка свидетельствует о том, что человеку свойственно такое качество, как самообладание. Принцесса должна держать себя с достоинством.

Нина распрямила спину.

– Пожалуйста, продолжай.

Граф задумался.

– Принцесса должна уважать старших.

Нина в знак уважения наклонила голову в сторону графа. Граф откашлялся.

– Нина, я не имел в виду себя. Я не на столько много лет старше тебя. Под словом «старшие» я имел в виду людей с седыми волосами.

Нина кивнула в ответ.

– Ты говоришь о великих князьях и великих княгинях?

– Да, и о них в том числе. Я имел в виду вообще всех людей старшего возраста. Это крестьяне, торговцы, кузнецы и кухарки.

Нина нахмурила брови в знак непонимания, и граф продолжил свой рассказ:

– Считается, что каждое новое поколение должно быть в определенной мере признательно всем представителям старшего поколения. Тем, кто сеял и жал, воевал, развивал науку и искусство и вообще много делал для того, чтобы молодому поколению было лучше жить. Поэтому, чем бы старшие ни занимались, они заслужили благодарность и уважение молодого поколения.

По лицу Нины было видно, что ее не убедили аргументы графа, и тот задумался о том, как лучше и понятнее донести свою мысль. Он посмотрел в окно и увидел, как несколько прохожих открывали зонтики.

– Вот тебе пример, – сказал он.

И граф рассказал ей поучительную историю о княгине Голицыной и старухе из Кудрово.

Однажды вечером в Петербурге дальняя родственница графа молодая Голицына ехала в карете на ежегодный бал, который давали Тушины. На улице шел сильный дождь. Карета княгини переезжала через Ломоносовский мост, и девушка заметила старуху, которая шла по мосту. Она крикнула кучеру, чтобы тот остановил карету, и пригласила бедную восьмидесятилетнюю старуху в карету. Эта старуха была почти слепой. Лакей помог ей сесть в карету княгини, и старая женщина поблагодарила девушку. Возможно, княгиня решила подвести старуху, рассчитывая на то, что та живет где-то поблизости. Все-таки она была уже старой женщиной и вряд ли собиралась отправиться в долгий путь в такую плохую погоду. Но когда княгиня спросила, куда та направлялась, старуха ответила, что она шла к своему сыну кузнецу, который жил в деревне Кудрово, расположенной в двенадцати километрах от Петербурга!

Княгиню ждали на балу у Тушиных. Буквально через несколько минут карета должна была подъехать к их усадьбе, где в каждом окне ярко горел свет и на ступеньках у главного входа лакеи ожидали прибытия гостей. Княгиня могла бы извиниться, выйти возле усадьбы и приказать кучеру отвезти старуху в Кудрово. Они поравнялись с усадьбой, и кучер повернулся к княгине в ожидании дальнейших приказаний...

Тут граф сделал эффектную паузу.

– И как же она поступила? – спросила Нина.

– Она приказала кучеру ехать дальше, – граф улыбнулся. – И это еще не все. Когда они приехали в Кудрово, семья кузнеца окружила карету и старая женщина пригласила княгиню

выпить чаю. Кузнец охнул, кучер раскрыл рот от удивления, а лакей чуть не лишился чувств. Но княгиня спокойно приняла приглашение и из-за этого пропустила бал у Тушиных.

Граф закончил свою историю, поднял чашку, кивнул Нине и сделал глоток.

Однако Нина решила, что история еще не закончилась.

– А что было потом?

Граф поставил чашку на блюдо.

– В каком смысле – потом?

– Она вышла замуж за сына кузнеца?

– Вышла ли она замуж за сына кузнеца? Боже упаси, нет! Она выпила стакан чая, села в карету и поехала домой.

Нина задумалась. Ей почему-то казалось, что было бы логичней, если бы княгиня вышла замуж за сына кузнеца. Несмотря на то, что концовка ее не удовлетворила, девочка кивком дала понять, что тот рассказал занятную историю.

Граф решил не рассказывать о том, какие долгоиграющие последствия имел поступок княгини. Дело в том, что графиня Тушина стояла у окна и видела, как напротив ее особняка остановилась голубая карета княгини Голицыной, а потом поехала дальше. Это «показательное выступление» не очень понравилось графине, в результате чего Голицыны и Тушины поругались так сильно, что не могли помириться при жизни трех последующих поколений. Вполне вероятно, что эти два клана и по сей момент были в контрах, но революция положила конец их вражде и разметала членов этих семей по всему миру...

– Да, – признала Нина, – вот это поведение, достойное принцессы.

– Совершенно верно, – согласился граф и протянул ей тарелку с пирожными и печеньем.

Нина взяла два печенья, одно положила себе в тарелку, а другое отправила прямо в рот.

Граф решил воспользоваться случаем и привлечь внимание собеседницы к некоторым недостаткам ее поведения.

– Вот тебе еще один пример.

– Какой?

– Настоящая княгиня или, как ты говоришь, принцесса – а они, как мы знаем, встречаются только на Западе или в сказках – всегда говорит «пожалуйста», когда просит передать ей печенье, и «спасибо», когда ей его предлагают.

Нина снова нахмурилась.

– Я понимаю, что принцесса должна говорить «пожалуйста», когда просит передать ей печенье, но я не очень понимаю, почему она должна благодарить, когда ей его предлагают.

– Дорогая Нина, хорошие манеры – это не шоколадные конфеты. В отличие от конфет, ты не можешь выбрать те манеры, которые тебе больше нравятся, и ты уж точно не можешь надкусить конфету, чтобы потом положить ее обратно в коробку...

Нина посмотрела на графа с выражением человека, который терпеливо переносит странности других людей, и начала медленно и размеренно говорить, видимо для того, чтобы собеседник лучше ее понял.

– Я согласна с тем, что принцесса должна говорить «пожалуйста», когда просит передать ей кусочек пирога, потому что должна убедить другого человека этот пирог ей дать. И если этот пирог ей дают, принцессе точно следует сказать «спасибо». Но обратимся ко второй части твоего примера: принцесса не просит пирог, ей просто его предлагают. Поэтому я не вижу смысла благодарить за то, что она любезно соглашается принять предлагаемое.

Как бы ставя точку в своей аргументации, девочка положила в рот тарталетку с лимонным кремом.

– Я соглашусь с тем, что в твоих доводах есть рациональное зерно, – заметил граф. – Но, опираясь на свой жизненный опыт, могу заметить...

Нина прервала его речь движением пальца.

- Ты же недавно говорил, что ты еще достаточно молодой.
- Совершенно верно.
- Тогда, может быть, слишком рано говорить о жизненном опыте?
- «Да, – подумал граф, – ну и чаепитие...»

– Я постараюсь держать спину более прямо и поработаю над осанкой, – подвела итог встречи Нина и смахнула крошки с кончиков пальцев. – И я обязательно буду говорить «пожалуйста» и «спасибо», когда о чем-нибудь прошу. Однако я не собираюсь благодарить людей за то, чего я никогда у них не просила.

Туда-сюда

Двенадцатого июля в семь часов вечера, когда граф шел по фойе по направлению к ресторану «Боярский», сидевшая за большой кадкой с растением Нина подала ему сигнал. Раньше в такой поздний час она никогда не звала его на «вылазку».

– Надо поторопиться, – сказала она графу, когда тот зашел за кадку. – Джентльмен только что ушел на ужин.

«Какой еще джентльмен?» – подумал граф.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, они медленно поднялись по лестнице. На третьем этаже они столкнулись с господином, который, стоя около двери номера, хлопал себя по карманам в поисках ключа. На лестничной площадке напротив двери лифта в стене красовалось стеклянное панно с изображением стоящих в мелкой воде длинноногих птиц. Граф видел это панно уже тысячи раз. Нина остановилась перед ним и принялась его рассматривать.

– Ты прав, – громко произнесла она. – Это действительно цапли.

Как только стоявший перед дверью номера господин нашел ключ и исчез за дверью, Нина двинулась вперед по коридору. Быстрыми шагами они прошли мимо 313-го, 314-го и 315-го номеров, а затем поравнялись с небольшим столиком возле номера 316, на котором стояла статуя Гермеса. Тут граф понял, что они направлялись к номеру, в котором он жил раньше!

Впрочем, мы слишком торопим развитие событий.

Не будем забегать вперед.

* * *

После того неудачного вечера, когда граф сидел на лестничных ступеньках второго этажа, он решил завязать с ежедневными вечерними аперитивами по причине того, что алкоголь плохо влиял на его настроение. Однако трезвая жизнь не дала ему той радости, на которую он рассчитывал. Делать ему было нечего, а свободного времени – хоть отбавляй, поэтому граф начал скучать.

«Интересно, – думал он, – если мне стало так тоскливо всего лишь через три недели после того, как я переехал на чердак, как же я себя буду чувствовать через три года?»

Но когда праведник или герой начинает терять надежду и его душу охватывает отчаяние, Судьба часто приходит ему на помощь. На Крите у Тесея был волшебный клубок ниток, который ему дала Ариадна и который помог ему выбраться из логова Минотавра. Даже в царстве мертвых у героев были помощники: Одиссей встретил Тиресия, а Данте – Вергилия. А вот у графа Александра Ростова в отеле «Метрополь» была девятилетняя девочка Нина Куликова.

В первую среду июля пребывавший в тоске граф сидел в фойе отеля и не знал, чем заняться. Тут он заметил, что мимо него с деловым видом прошла Нина.

– Привет, друг мой. Куда ты собралась?

– Да, так. Хожу туда-сюда, – неопределенно махнула рукой Нина, но вид у нее был такой, будто ее поймали на том, чего делать не стоит.

– А поконкретнее? – поинтересовался граф.

...

– Сейчас иду в комнату для игры в карты.

– Вот как? Ты полюбила игру в карты?

– Не особо...

– И зачем же ты туда собралась?

...

– Ой, перестань, пожалуйста! – воскликнул граф. – Какие между нами могут быть секреты?!

Нина задумалась, потом осмотрелась по сторонам, убедилась, что никто, кроме графа, ее не услышит, и призналась, что, хотя комнату для игры в карты используют редко, каждую среду в три часа дня в ней играют в вист четыре женщины. По словам Нины, если прийти в комнату в два тридцать и спрятаться в шкафу, то будет слышно каждое их слово (эти женщины часто бранились), а после того как они уйдут, можно доесть оставшееся после них печенье.

– А где ты еще бываешь? – поинтересовался граф.

Нина снова осмотрелась вокруг.

– Встречаемся здесь завтра в два часа, – заговорщицки прошептала она.

И с этого момента началось образование графа.

Граф Ростов прожил в «Метрополе» почти четыре года и считал, что знает отель как свои пять пальцев. Он знал сотрудников по именам, услуги отеля – по собственному опыту, а обстановку и декор – наизусть, как «Отче наш». Однако после того как Нина взяла его под свое крыло, он осознал, что на самом деле был здесь настоящим новичком.

Нина прожила в отеле уже десять месяцев потому, что и она была в какой-то мере заложницей «Метрополя». Дело в том, что ее отец работал в Москве «временно» и потому не записал дочь в школу. За Ниной присматривала гувернантка, которая была уверена в том, что чем реже девочка выходит на улицу, тем ее жизнь и жизнь самой гувернантки будет спокойнее и безопаснее. Поэтому девочка и решила исследовать все комнаты отеля, узнать, что в них находится и как она сможет использовать то, что в них находится.

Несмотря на то что граф неоднократно получал в окошечке фойе свою почту, он никогда не бывал в комнате, где эту почту сортировали. Почту в отель привозили два раза в день – в десять утра и в два пополудни.

Граф раньше покупал цветы в магазине Фатимы, но никогда в жизни не бывал в комнате, в которой цветы обрезали и делали из них букеты. В дальнем углу магазина была узкая дверь, ведущая в комнату, где обрезали стебли цветов и шипы роз. Даже сейчас, когда магазин уже давно не работал, на полу этой комнаты шуршали сухие лепестки.

В «Метрополе» имелись комнаты за комнатами и двери за закрытыми дверями. Были комнаты, в которых хранили постельное белье. Кладовые. Прачечная. И даже собственный телефонный коммутатор.

«Метрополь» можно было сравнить с огромным пассажирским пароходом. Пассажиры на борту развлекались, гуляли по палубе и стреляли из ружей по выпущенным в воздух глиняным тарелочкам, переодевались к ужину, потом играли в карты, обыгрывали какого-нибудь зарвавшегося француза, прогуливались на верхней палубе под звездами и считали, что стали заправскими моряками, чуть ли не морскими волками. Но, находясь на судне, они наблюдали лишь малую часть его внутренней жизни, потому что никогда не спускались на нижние палубы, где происходило все то, что делало это морское путешествие возможным.

Нине было явно недостаточно вида, который открывался с верхних палуб. Она хотела спуститься в трюм. Открыть все двери. Побывать тут и там. В то время, когда Нина жила в «Метрополе», графу казалось, что стены отеля раздвинулись, а сам он увеличился, раздавшись во все стороны. В первые же недели пребывания там Нины «Метрополь» расширился, словно занимал две улицы. А в первые месяцы после их знакомства отель разросся до размеров всей Москвы. Если бы Нина прожила там достаточно долго, он стал бы величиной со всю Россию.

Знакомство графа с отелем Нина начала с подвала. Она открыла тяжелую железную дверь бойлерной, где из разных клапанов поднимались клубы белого пара. Она взяла у графа носовой платок и открыла тяжелую заслонку печи, в которой день и ночь горел огонь. Это было лучшее место в отеле для того, чтобы уничтожать секретные документы и любовные послания.

– Вы получаете любовные письма, граф?

– Конечно.

Потом они зашли в следующую комнату, в которой располагалось помещение, где стояло оборудование, контролировавшее подачу электричества. Нина попросила графа ничего не трогать. Приборы в комнате гудели и жужжали, как улей растревоженных ос, а в воздухе пахло серой. В этой комнате Нина показала графу рубильники, отключавшие электроэнергию. Выключив свет, можно было украсть жемчуга и бриллианты постояльцев отеля.

Они вышли в коридор, повернули один раз налево и два раза направо, после чего оказались в комнате, где хранились вещи, оставленные или забытые гостями отеля. Здесь были зонтики, путеводители «Baedeker»¹⁸, а также романы, которые гости не дочитали или не захотели везти с собой дальше. В пыльном углу комнаты граф обнаружил два свернутых восточных ковра, лампу, а также книжную полку из атласного дерева, которые он оставил в своем прежнем номере.

В конце коридора по пути к узкой черной лестнице граф с Ниной прошли мимо небольшой двери, покрашенной ярко-синей краской.

– А что за этой дверью? – поинтересовался граф.

На лице Нины появилось смущенное выражение.

– Мне кажется, что я туда никогда не заходила.

Граф покрутил дверную ручку.

– Закрыто.

Нина посмотрела налево, потом направо.

Граф тоже посмотрел налево и потом направо.

Затем Нина сняла с шеи цепочку с украшением, на которое граф уже раньше обращал внимание. Однако на цепочке оказался не медальон, как он думал, а ключ, открывавший все двери в отеле! Нина сняла ключ с цепочки и передала графу, чтобы он открыл дверь. Граф вставил ключ в замочную скважину, похожую на череп, повернул и услышал, как внутри замка что-то обнадеживающе щелкнуло. Он открыл дверь, и они ахнули от зрелища, которое им представилось.

В комнате от пола до потолка были установлены полки со стоявшими на них серебряными приборами, блестевшие так ярко, словно их только вчера начистили.

– Зачем здесь столько посуды и приборов? – удивилась Нина.

– Для банкетов и званых обедов, – ответил граф.

Рядом с тарелками северского фарфора с клеймом отеля стояли почти метровые самовары и огромные супницы, в которых при желании можно было бы крестить младенцев. Здесь

¹⁸ В 1827 г. немецкий издатель Карл Бедекер основал издательство путеводителей по разным городам и странам. Известным при жизни его сделали достоверность и высокое качество путеводителей, носивших его имя («бедекеров»), быстро ставшее нарицательным для изданий такого вида.

были кофейники и соусницы, столовое серебро, а также лопаточки и самые разные предметы для сервировки стола. Нина взяла в руки одну лопаточку с рукояткой из слоновой кости. Она нажала рычажок на рукоятке, и металлические пластинки лопаточки открылись и вновь закрылись, как жалюзи на окнах. Удивленная, она посмотрела на графа.

– Это лопаточка для спаржи, – объяснил он.

– Неужели это вещь, которую все еще используют? На банкетах точно нужна лопаточка для спаржи?

– Как ты думаешь, нужен ли в оркестре фагот?

Нина аккуратно положила лопаточку на место, а граф задумался: сколько раз в жизни его обслуживали именно такой лопаточкой. Сколько раз он сам ел с этих тарелок? В банкетном зале «Метрополя» отмечали двухсотлетие Петербурга, столетие со дня рождения Пушкина, здесь проходили ежегодные обеды членов Клуба любителей игры в нарды. Кроме того, в «Метрополе», в соседних с рестораном «Боярский» комнатах – Красном и Желтом залах, – происходили более закрытые ужины и обеды. В свое время в этих залах собиралась элита, и, если бы кто-то подслушивал то, что гости обсуждали за столом, можно было бы на целый год вперед узнать обо всех банкротствах, свадьбах и войнах.

Граф обвел содержимое комнаты задумчивым взглядом и покачал головой.

– Ясно, что большевики уже побывали в этой комнате. Интересно, почему они все это не конфисковали?

– Возможно, все это им еще здесь пригодится, – ответила Нина с уверенностью, свойственной только детям.

– Точно, – подумал граф. – Так оно и есть.

Несмотря на победу пролетарской революции и отстранение от власти представителей привилегированного класса, банкеты никто не собирался отменять. Кто знает, может быть, со временем большевики будут устраивать банкеты не меньше, чем при царе? Если раньше праздновали годовщины воцарения Романовых, то большевики могли начать праздновать столетие написания Марксом «Капитала» или серебряную свадьбу Ленина и Крупской. Точно так же, как и раньше, перед этими мероприятиями будут составлять списки гостей, укорачивать их из-за отсутствия места, печатать и рассылать приглашения. Седовласые большевики, новые хозяева страны, будут сидеть за столами и, пока оратор в зале читает пламенную речь, кивком отвечать на вопрос официанта: «Да, конечно, я не откажусь от спаржи».

Помпа, церемонии и блеск – вещи очень заразительные. Это часть государственности, и от них никуда не деться.

Императора могут стащить за волосы с трона и выбросить на улицу. Но потом, постепенно, новый владыка захочет, чтобы ему помогли надеть пиджак, а затем подумает о том, что этот пиджак было бы неплохо украсить парой медалей. А уж после демократический правитель захочет, чтобы ему поставили кресло с высокой спинкой, которое лучше соответствует его высокому положению. Солдаты революции могут сбивать со зданий царских орлов и сжигать старые знамена, но рано или поздно помпа и церемонии снова станут уделом правящих, точно так же, как это было при царе.

Нина, с восхищением рассматривая принадлежности для сервировки стола, увидела незнакомый предмет и, показав на него пальцем, спросила: «А что это?»

На полке, за рядом подсвечников, стояла отлитая из серебра женская фигурка в широкой юбке и с высокой прической, как у Марии-Антуанетты.

– Это колокольчик, которым хозяйка просит лакеев принести перемену блюд.

Граф поднял «Марию-Антуанетту» и покачал ею как колокольчиком. Из-под юбки раздался приятный звон (высокая нота до), который извещал, что тарелки гостей надо собрать и подать новые.

На протяжении последующих дней Нина показывала графу потайные уголки «Метрополя». В начале «обучающего курса» граф считал, что их экскурсии ограничатся только подвалом, в котором находились подсобные помещения. Но после того как они с Ниной осмотрели комнату для сортировки почты, телефонный коммутатор и остальные комнаты первого этажа и подвала, в один прекрасный день девочка повела его наверх, в номера гостей.

Однако Нина не ходила по комнатам гостей, чтобы что-нибудь украсть или подсмотреть. Ее интересовал вид, открывавшийся из окон.

Из окон каждого номера в зависимости от этажа и стороны света, к которой было обращено окно, открывался новый вид. Кроме того, вид менялся в зависимости от времени дня и года. Если вам хотелось посмотреть парад на Красной площади, то лучшим местом для этого являлся номер 322. Если вы хотели незаметно кинуть снежком в прохожих, лучше всего было идти в номер 405 с большими карнизами. Даже из номера 244, который выходил на противоположную от Красной площади сторону и вид из которого был не самым лучшим, можно было увидеть стоявших внизу продавцов овощей и фруктов.

Ну а если бы вы пожелали увидеть, как люди прибывают на представление в Большом, вам стоило пойти в бывший номер графа...

Так вот. Двенадцатого июля в семь часов, в то время, когда граф прогуливался по фойе отеля, Нина подала ему тайный сигнал. Через две минуты после этого они встретились на лестнице, прошли мимо номеров 313, 314 и 315, двигаясь по направлению к номеру, в котором граф жил раньше. Нина засунула ключ в замочную скважину и открыла дверь. Граф не без некоторого замиранья сердца и волнения вошел внутрь.

В этом номере графу был знаком буквально каждый сантиметр. Он увидел, что обитые красной тканью диван и стулья, а также напольные часы его деда и китайские вазы из Тихого Часа все еще стояли в номере. На французском журнальном столике (который сюда поставили для замены принадлежавшего его бабушке, который он взял с собой на чердак) лежала сложенная газета «Правда» и стоял недопитый стакан с чаем.

– Давай быстрее, – произнесла Нина и подошла к расположенному в северо-западном углу здания окну.

Из этого окна они увидели ярко освещенный фронтон Большого театра. Большевики, одетые как персонажи из «Богемы»¹⁹, стояли или ходили между колоннами театра. Свет в фойе несколько раз мигнул, мужчины бросили папиросы и взяли своих спутниц под руку. Когда в двери театра входили последние зрители, у входа в здание остановилось такси, из которого вышла женщина в красном платье и, придерживая его длинный подол, взбежала по ступенькам.

Нина наклонилась вперед и прислонилась лбом к оконному стеклу.

– Ах, как бы мне хотелось быть на ее месте! – мечтательно прошептала она.

«Да, – подумал граф. – И не только тебе одной».

* * *

В тот вечер граф сидел в комнате на чердаке и вспоминал посещение своего бывшего номера.

Он не думал о дедовых напольных часах или прекрасном виде из окна. Он вспоминал стакан чая и газету на столике.

Мизансцена почему-то запомнилась графу, и он представил себе, как в ней жил новый постоялец. Он представил, что гость отеля вернулся в номер около четырех часов, снял и повесил пиджак, заказал чай и открыл газету. Потом гость сел выпить чаю и спокойно почитать

¹⁹ «Богема» (1896) – опера итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858–1924).

газету, чтобы скоротать время. Граф понял, что в его бывшем номере поселился господин, располагавший свободным временем.

Граф поднял глаза и обвел взглядом свое новое жилище, которое показалось ему как никогда маленьким. Предметы мебели заполняли комнату, громоздясь друг на друга. Перед тем как открыть дверь кладовки, ему приходилось каждый раз отодвигать стул с высокой спинкой. Без всякого сомнения, места в чердачной комнатухе графа было явно недостаточно...

Тут граф вспомнил о том, что в «Метрополе» есть комнаты, спрятанные за другими комнатами, и двери за закрытыми дверями...

Он встал с кровати, прошел вокруг бабушкиного стола, отодвинул стул с высокой спинкой и встал напротив двери в микроскопическую кладовку. Проем двери кладовки был изящно отделан выпуклой дубовой планкой. Граф уже давно решил, что эта обивка представляет собой довольно странное архитектурное излишество. И тут его посетила мысль: а что, если кладовку пристроили в дверном проеме, который находился здесь раньше и вел в другое помещение?

Граф открыл дверь кладовки, отодвинул в сторону висевшие там пиджаки и постучал о заднюю стенку. По звуку он понял, что стенка тонкая. Он надавил на нее ладонью и почувствовал, что она прогибается. Тогда он снял пиджаки и положил их на кровать. Потом, схватившись руками за дверные косяки, с силой ударил ногой в перегородку. Раздался хруст. Он снова ударил ногой в фанерную перегородку, которая дала трещину и сломалась. Он отломал куски фанеры и вошел в образовавшийся проем.

Граф оказался в темном и узком пространстве, в котором пахло сухим кедровым деревом. Судя по всему, он находился в кладовке соседней комнаты. Нашупав ручку, он повернул ее, открыл дверь и вышел в смежную комнату, являвшуюся зеркальным отражением его собственной. Все пространство комнаты занимали пять металлических каркасов кроватей. Два поставленных на попа каркаса упали и придавили дверь в коридор. Граф отодвинул каркасы, вытащил их из комнаты и принялся за уборку.

Он переставил в комнату два стула с высокими спинками и кофейный столик. Потом спустился по служебной лестнице в подвал и забрал свой ковер, напольную лампу и небольшую книжную полку. Затем поднял наверх десять книг, которые в свое время оставил в старом номере. После этого он нашел на чердаке молоток и гвозди, которые там оставили кровельщики.

Граф не брал в руки молотка с тех пор, когда мальчишкой в усадьбе помогал старому управляющему Тихону чинить по весне ограду. Он помнил, как сильный и точный удар молотком пробивал гвоздь сквозь штакетину и каким звонким казался звук удара в свежем весеннем воздухе. Но на этот раз первая попытка вбить гвоздь завершилась полным фиаско и граф попал себе по пальцу. После этого он долго подпрыгивал на месте, дул на палец и тихо ругался.

Но смелость, как известно, города берет. Второй удар молотком снова не попал по шляпке гвоздя, а вот на третий раз гвоздь плотно вошел в стену. Граф начал работать как машина: приставлял гвоздь к стене, фиксировал его первым ударом, а вторым плотно вгонял внутрь стены. Раз-два-три, раз-два-три, работа пошла, словно в ритме кадрили.

В течение получаса граф обил гвоздями в кладовке новый дверной проем, скрывшийся за рядом пиджаков. Один гвоздь граф оставил, чтобы повесить над книжной полкой портрет сестры.

Закончив работу, граф сел на стул с высокой спинкой. Он испытывал чувство внутреннего удовлетворения. Теперь он стал счастливым обладателем целых двух комнат абсолютно одинакового размера. У него теперь были кабинет и спальня. В спальне находились стол, кровать и шкаф, а в кабинете были собраны книги, стоял «посол» и висел портрет его сестры Елены. Он подумал о том, что предоставленная ему администрацией отеля комната стала казаться меньше, а вот его новая, потайная комната, вне зависимости от реальных размеров, казалась ему настолько большой, насколько ее рисовало его собственное воображение.

Граф сел на стул и раскрыл самую толстую из книг, которые недавно поднял на чердак из подвала. Он уже читал это произведение. Ну и что из этого? Никто не будет его обвинять в душевной лени или чувстве излишней ностальгии, если он прочитает его еще раз.

Он откинулся на спинку стула, поставил ногу на край столика, приподнял стул так, чтобы он стоял на двух задних ножках, и прочитал первое предложение:

*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*²⁰.

– Прекрасно сказано, – произнес граф. – Просто прекрасно.

Заседание

– Ну, пойдем же!

– По-моему, не стоит.

– Какой же ты несговорчивый!

– Я бы так не сказал.

– С чего это ты так решил?

– Сегодня человек может быть несговорчивым, а завтра у него будет совсем другое настроение.

– Тоже верно.

Нина пыталась убедить графа пойти вместе с ней на балкон в бальном зале, с которого она любила подслушивать то, что происходило внизу. В тот день граф не хотел составить Нине компанию по двум причинам. Во-первых, человеку высокого роста сидеть, согнувшись за пыльной балюстрадой, было крайне неудобно. В последний раз, когда граф вместе с Ниной туда ходил, он порвал шов на брюках, и к тому же у него в течение трех дней после этого сильно болела шея. Вторая причина была следующей: графу было неинтересно слушать то, о чем говорилось на совещаниях или собраниях, которые проводили внизу.

В летние месяцы в «Метрополе» постоянно проходили какие-нибудь совещания, собрания или слеты. Практически в любое время дня в фойе отеля могла ввалиться толпа оживленно жестикулирующих и что-то обсуждающих людей, начавших «прения» до начала самого мероприятия. Все эти люди собирались в зале для балов, дымили папиросами и что-то громко обсуждали.

Опыт наблюдения за большевиками подсказывал графу, что эти люди были готовы собираться и обсуждать что-нибудь в любое время дня и ночи по самым разным поводам. В течение недели в отеле могли пройти заседания комитетов, конгрессы, семинары, пленумы для того, чтобы учредить новые законы, принять постановления, обозначить новый курс, рассмотреть жалобы трудящихся и вообще попытаться разобраться с самыми разными проблемами, которые стояли перед нынешней номенклатурой.

Граф не испытывал большой радости от наблюдения за подобными встречами отнюдь не по причинам идеологического порядка. Он был бы готов спрятаться за балюстрадой для того, чтобы прослушать монолог Гамлета или рассуждения Цицерона. Но графа не привлекала политика как таковая.

А может быть, причина заключалась в том, что он действительно был несговорчивым человеком. Кто знает...

После долгих убеждений Нины граф сдался и поднялся с ней на второй этаж. Они встали около входа в ресторан «Боярский», дождались момента, когда в коридоре никого не было, после чего Нина быстро открыла незаметную дверь без таблички, ведущую на балкон.

²⁰ Первая фраза (ч. 1, гл. 1) романа «Анна Каренина» (1875) Л. Н. Толстого (1828–1910).

Внизу на стульях расселись около ста человек. Приблизительно столько же людей стояли и теснились в проходах и по периметру зала. Двое мужчин заняли места за длинным деревянным столом, рядом с которым находилась ораторская трибуна. Собрание почти что началось.

Все это происходило второго августа, и до собрания, подслушать которое на балкон проникли граф с Ниной, было еще одно, в первой половине дня. Температура в зале достигла тридцати градусов. Нина присела на пол за балюстрадой, обхватив коленки руками. Когда граф попытался сесть так же, шов на его брюках снова разошелся.

– *Merde*²¹, – пробормотал граф.

– Тише! – зашипела на него Нина.

Когда граф впервые вместе с Ниной попал на балкон, чтобы послушать, что происходит на очередном собрании, он был очень удивлен теми изменениями, что произошли в бальном зале всего за несколько лет. Каких-нибудь десять лет назад там собиралось светское общество, чтобы потанцевать мазурку и выпить за здоровье государя. Однако, прослушав то, что говорилось на нескольких собраниях, граф пришел к выводу, что на самом деле, несмотря на революцию, в зале мало что изменилось.

Глядя вниз, он заметил, что в зал вошли двое молодых и целеустремленных людей. Они не стали здороваться с рассеявшимся на стульях «плебсом», а направили стопы сразу к сидевшему возле стены «патриарху». Кто знает, чем отличился этот патриарх? Возможно, он написал какой-нибудь памфлет в далеком 1880-м или участвовал в революции 1905 года, а может быть, даже обедал с Карлом Марксом в 1852-м. Сложно сказать, чем именно он был знаменит. Двое молодых мужчин почтительно приветствовали патриарха, и тот дружески кивнул им в ответ. Патриарх сидел в кресле, из которого великая княгиня Анапова в свое время наблюдала за пасхальным балом и принимала почтительные приветствия юных князей.

Потом граф обратил внимание на другого большевика, который расхаживал по залу и наподобие графа Тетракова делал обход гостей. Этот революционер с чувством жал людям руки и тряс их за плечо. Так планомерно он обошел весь зал, чтобы «отметиться», сказать слово здесь, кивнуть там, после чего сообщил кому-то, что должен «отлучиться на минутку», вышел из дверей и был таков. Хитрец обошел всех, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что он присутствовал на мероприятии, после чего наверняка переместился в более интересные места, допустим, в какие-нибудь меблированные комнаты на Арбате.

Под занавес мероприятия мог появиться какой-нибудь молодой и перспективный функционер, имевший, по слухам, доступ «к телу» Ленина или другого вождя. Точно так же вел себя и фаворит государя капитан Радянко для того, чтобы продемонстрировать свое влияние, а также и то, что он человек занятой и не успевает присутствовать на всех мероприятиях, на которых без его важной персоны совершенно не могут обойтись.

Бесспорно, в том, что касалось одежды, у делегатов в моде был не кашемир, а хаки и сукно, и все отдавали предпочтение серому, а не золотому цвету. Но, если вдуматься, так ли уж велика разница между эполетом на плече и вытертым до блеска локтем пиджака? И тот и другой блестят. Вместо треуголок и киверов на головах людей были кепки, но многие из них были заломлены под таким же заливчатским и бесшабашным углом. Вот возьмем, например, одного из председательствующих во время собрания бюрократов. Совершенно очевидно, что по своему положению он может себе позволить купить или сшить на заказ приличный костюм, но нет же, он ходит в рванине, чтобы продемонстрировать свое пролетарское происхождение, отреченность от всего мирского и то, что думает он только о мировой революции, а не о ширине лацкана пиджака!

²¹ Дерьмо (*фр.*).

Одетый как босяк номенклатурщик оказался председателем собрания. Он призвал всех к порядку, попросил тишины в зале и объявил второе заседание Первого съезда московского отделения Всероссийского союза рабочих-железнодорожников открытым.

В течение первых пятнадцати минут заседания собравшиеся молниеносно разобрались с шестью вопросами. Граф уже начал думать о том, что это собрание может закончиться до того, как у него от неудобной позы безбожно заболит спина. Однако следующий вопрос повестки дня вызвал бурные споры и обсуждения. Вопрос касался изменений в уставе союза, а именно седьмого предложения второго параграфа, текст которого секретарь громко зачитал вслух.

О, это было воистину грандиозное предложение, с несметным количеством запятых, которое разливалось как море и никак не хотело дойти до точки. Судя по всему, в это предложение намеревались впихнуть все лучшие качества союза железнодорожников и его членов: мускулистые плечи рабочих, их твердую поступь, стук молотков на путях погожим летним утром, лопаты, которыми кидали в топку уголь, и вселяющий надежду на светлое будущее звук паровозных свистков в ночи. И в конце этого гигантского предложения, в самой его кульминационной точке, был пассаж о том, что труд рабочих Союза железнодорожников России «способствует делу поддержания сообщения и ведения торговли между регионами страны».

Граф вынужден был признать, что после обещающей преамбулы апогей и развязка оказались самыми прозаическими.

Однако возражения и претензии участников собрания были не по поводу фразы как таковой, а касались исключительно слова «способствует». Участники сочли, что данное слово недостаточно хорошо определяет роль железнодорожников в жизни страны.

– Ну что такое «способствует»? – кричали с задних рядов. – Звучит как-то неконкретно и размазанно!

– Да! Где пролетарская четкость и прямота?!

– Что это за манная каша?!

Однако какой глагол лучше остальных мог описать вклад железнодорожников в дело построения светлого будущего? Какой глагол великого и могучего русского языка способен вместить капли пота кочегаров, инженерный гений инженеров, ответственность ремонтных рабочих и накачанную мускулистость тех, кто кладет шпалы?

Последовал ряд предложений.

«Ускоряет».

«Движет вперед».

«Обеспечивает».

Собравшиеся живо дебатировали преимущества и недостатки этих и многих других предложенных слов. Делегаты жестикулировали, топали ногами, приводили логические аргументы и делали эмоциональные выводы. Температура в зале повышалась и превысила отметку в тридцать градусов Цельсия.

Когда граф начал было подозревать, что все это обсуждение может закончиться дракой, какой-то скромного вида юноша из десятого ряда сказал, что слово «способствует» можно заменить двумя словами: «обеспечивает и гарантирует». Юноша (щеки которого становились все краснее и краснее по мере того, как он аргументировал свое предложение) объяснил, что эта пара слов, по его мнению, отражает не только дело прокладки рельсов, управления транспортом, но и постоянную работу по поддержанию железнодорожных путей в рабочем состоянии.

– Вот это интересно.

– Точно! Прокладка путей, управление и поддержание.

– Обеспечивает и гарантирует.

В зале раздались громкие аплодисменты. Казалось, что предложение тщедушного юноши вот-вот одобряют со скоростью, с которой локомотив несется по Транссибирской магистрали.

Все к тому и шло, как вдруг во втором ряду встал некий потрепанный персонаж. Это был настолько жалкий человечиска, что возникали вопросы о том, как вообще он оказался среди гордой когорты железнодорожных мужей. Однако когда шум в зале приутих, этот, судя по всему, бухгалтер, властелин карандашей и император ластиков, заявил писклявым голосом следующее: «Поэтическая лаконичность требует избегать двух слов в ситуации, когда можно обойтись одним».

– Че он там сказал?

– Что-что?

Несколько негодующих делегатов вскочили и уже хотели схватить возмутителя порядка за шкуру с целью выдворить его из зала. Но они не успели выполнить задуманное, так как дородный мужчина из пятого ряда встал и громко произнес:

– При всем уважении к поэтической лаконичности, у мужских особей всегда наличествуют два предмета, хотя, по этой логике, хватило бы одного.

Бурные аплодисменты.

Делегаты единогласно приняли решение о замене слова «способствует» на пару «обеспечивает и гарантирует». Граф на балконе должен был признать, что политические дискуссии могут иногда быть и не таким скучными, как он привык считать.

После окончания заседания, когда они с Ниной ушли с балкона, граф должен был признать, что очень собой доволен. Ему понравилась проведенная им параллель между людьми, которые отдают дань уважения и хотят «засветиться» в обществе, и сознательно опаздывающими. Тот, кто поступает подобным образом сейчас, мало чем отличается от того, кто занимался этим в прошлом. Он придумал несколько забавных синонимов, способных заменить выражение «обеспечить и гарантировать», на, например, «катиться и суетиться» или «пыхтеть и свистеть». Если бы Нина спросила, что он думает о прошедшем заседании, он бы ответил, что это было просто шекспировское действо. Шекспировское в духе полицейского пристава Кизила²² из комедии «Много шума из ничего». Так и было, много шума из ничего. В общем, граф высказался бы приблизительно так.

К счастью, разговор с Ниной прошел немного по-другому. Когда девочка спросила, что он думает о заседании, она настолько сильно хотела поделиться своими впечатлениями, что не дала графу времени, чтобы ответить.

– Правда, это было просто замечательно?! Это же было бесподобно! Ты когда-нибудь ездил на поезде?

– Я вообще предпочитаю путешествовать на поезде, – ответил граф, слегка удивленный ходом мыслей Нины.

Она возбужденно кивнула.

– И я тоже. Ты же видел, как проносятся за окном деревни, леса и поля, пил чай, слушал разговоры других пассажиров и засыпал под убаюкивающий стук колес?

– Да, именно так все и было.

– Вот и я об этом. Но ты когда-нибудь думал о том, как попадает в топку паровоза уголь? Ты задумывался о том, как прокладывают пути в горах или болоте?

Граф задумался. Представил. Проникся.

– Никогда не думал на эту тему, – признался он.

Она посмотрела на него, как на человека, который все понимает и разделяет ее точку зрения.

– Потрясающе.

Действительно, если посмотреть на все произошедшее с этой точки зрения, возразить совершенно нечего.

²² В оригинале – Dogberry (волчьи ягоды), ставшее нарицательным имя безграмотного самоуверенного чиновника.

* * *

Через несколько минут граф уже стучал в дверь комнаты, в которой работала скромная и робкая Марина. Граф стоял перед дверью, прикрывая заднюю часть брюк газетой.

Стоя перед дверью, он вспомнил о том, что раньше в этой комнате на немецких швейных машинках работали три швеи. Как три мойры²³, они резали, кроили и шили. Они укорачивали или удлиняли подолы, подшивали брюки. После революции всех трех благополучно уволили. Швейные машинки затихли и, видимо, стали собственностью трудящихся. А что стало с комнатой? То же самое, что и с магазином Фатимы. Неподходящее время, чтобы заниматься нарядами, бросать букеты и носить цветы в петлице.

К 1921 году занавески, постельное белье и салфетки, являвшиеся собственностью отеля, сильно обветшали. Однако никто не собирался их заменять на новые. Поэтому администрация отеля назначила Марину швеей, и с этих пор добрая традиция чинить одежду и постельное белье в стенах отеля возобновилась.

– Ах, Марина, – произнес граф, когда та открыла дверь. – Как я рад, что застал тебя здесь за работой!

Марина посмотрела на него с подозрением.

– А где еще вы могли меня сегодня застать?

– Ты совершенно права, – ответил граф. Он самым очаровательным образом улыбнулся, повернулся на девяносто градусов, быстро приподнял газету и вежливо попросил ее о помощи.

– Но я же вам вроде на прошлой неделе зашивала брюки?

– Я опять вместе с Ниной подглядывал, – объяснил он. – С балкона в бальном зале.

Швея посмотрела на графа с недоумением.

– Если вы носите с девятилетней девочкой, то зачем вам надевать такие штаны?

Графа удивил ее тон.

– Когда я одевался сегодня утром, то совершенно не собирался с ней носить. Эти брюки мне сшили на Сэвил-роу²⁴.

– Совершенно верно. Они сшиты на заказ, чтобы сидеть в гостиных и салонах.

В тот день Марина не вела себя как тихоня и скромница, а говорила то, что думала, и граф, поняв, что разговор не клеится, поклонился ей в знак прощания.

– Ой, перестаньте! – воскликнула Марина. – Хватит этих фокусов. Заходите за ширму и снимайте штаны.

Граф молча зашел за ширму, снял брюки и передал их Марине. Настала тишина. Граф понял, что Марина присела, вставила нитку в иголку и начала шить.

– Ну что ж, пока я занимаюсь вашими штанами, можете рассказать, что вы делали на балконе, – произнесла она.

Пока она шила, граф поведал ей о том, что слышал и видел во время собрания, а также поделился своими мыслями и соображениями по этому поводу. Под конец рассказа он должен был признать, что везде, где он видел незыблемость социальных условностей и находил повод для ироничной констатации неизменности человеческой природы, Нина видела лишь энергию, динамизм и неуклонное движение к намеченной цели.

– Ну и что же в этом плохого? – поинтересовалась швея.

– Ничего плохого в этом нет, – должен был признать граф. – Просто совсем недавно она пригласила меня на чай и расспрашивала о правилах поведения принцесс...

²³ В древнегреческой мифологии мойры (мойра – букв. «часть», «доля») были богинями судьбы. У древних римлян мойрам соответствовали парки.

²⁴ Сэвил-роу – улица в центре Лондона, где находились ателье лучших портных города.

Марина передала защитные брюки графу за ширму и покачала головой, как человек, который должен сообщить своему собеседнику правду, которая может показаться тому не очень приятной.

– Маленькие девочки быстро теряют интерес к принцессам, – сказала Марина. – Более того, они вырастают из этого интереса гораздо быстрее, чем мальчики вырастают из своего интереса ко всяким проказам.

Граф поблагодарил Марину и вышел из двери ее комнаты в брюках, за которые ему уже не надо было стыдиться, и тут же столкнулся с коридорным, стоявшим прямо под дверью.

– Простите, граф Ростов!

– Все в порядке, Петя. Это я на тебя натолкнулся.

Петя даже не заметил, что с его головы упала фуражка, и граф наклонился, поднял ее и водрузил ему на голову. После этого он повернулся и собрался отправиться по своим делам.

– Граф, я искал именно вас.

– Меня?

– Да. Вас хочет видеть господин Халеки. Он просил вас подойти к нему в кабинет на пару слов.

Граф уже четыре года прожил в «Метрополе», и за все это время его ни разу не вызывал к себе управляющий отелем. Более того, граф даже ни разу не видел этого управляющего.

Иосиф Халеки был одним из немногих руководителей, которые мастерски освоили искусство делегирования полномочий. Он перепоручил и доверил управление отелем работникам, ответственным за ту или иную сторону ведения бизнеса, и самоудалился от процесса принятия решений. Он прибывал в отель в восемь пятнадцать утра и быстро шел в свой кабинет с озабоченным выражением лица человека, опаздывающего на важную встречу. По пути к кабинету он в знак приветствия кивал подчиненным и просил свою секретаршу, чтобы его не беспокоили. После чего плотно закрывал за собой дверь кабинета.

И чем же он занимался в кабинете?

Трудно сказать, чем, потому что его практически никто не видел. Те, кому доводилось побывать в кабинете управляющего, говорили о том, что на его столе не было никаких документов и бумаг, телефон звонил редко, а вдоль стены стояла обитая красным бархатом кушетка с подушками, и эта кушетка всегда была подозрительно примята, как будто на ней только что спали...

Иногда то или иное чрезвычайное обстоятельство (например, пожар на кухне или недовольство клиента счетом) заставляло его подчиненных стучать в дверь кабинета, чтобы поговорить с начальством. Каждый раз, когда это происходило, на лице управляющего появлялось такое выражение глубочайшей усталости, недовольства и разочарования работой подчиненных, что те моментально уверяли, что сами со всем разберутся, просили извинения за беспокойство и тотчас убегали. В результате «Метрополь» стал одним из самых безупречно и эффективно функционирующих отелей в Европе.

Графа очень удивило желание управляющего его видеть. Петя повел Ростова по длинным коридорам и в конце концов довел до закрытой двери кабинета управляющего. Граф предполагал, что Петя постучит и сообщит управляющему о его прибытии, однако этого не произошло. Петя как-то робко показал графу на дверь и бесследно исчез. Граф немного подумал и постучал. Из-за закрытой двери послышались неопределенные звуки, после чего граф услышал: «Входите!»

Открыв дверь, граф увидел, что управляющий сидит за письменным столом. В руке господина Халеки была ручка, однако никаких бумаг, требующих подписи, да и вообще бумаг как таковых на столе не наблюдалось. Граф не был человеком, склонным делать скороспелые

выводы, но он заметил, что волосы управляющего с одной стороны головы примяты, а очки на носу сидят криво.

– Вы хотели меня видеть? – спросил граф.

– Ах да! Граф Ростов, входите.

Граф подошел к двум стульям, стоявшим перед письменным столом, и обратил внимание на то, что на стене висели несколько английских гравюр с изображением сцен охоты.

– Прекрасные гравюры, – заметил граф и сел на стул.

– Что? А, гравюры... Да, очень милые. Согласен.

Управляющий снял очки и усталым жестом потер глаза. Потом он встряхнул головой и глубоко вздохнул. Граф с сочувствием спросил:

– Чем могу быть полезен?

Управляющий кивнул и положил обе руки на стол.

– Граф Ростов, – произнес он. – Вы уже много лет являетесь гостем нашего отеля. Мне даже кажется, что вы останавливались в «Метрополе» во времена, когда управляющим был мой предшественник...

– Совершенно верно, – ответил граф с улыбкой. – В первый раз я остановился в «Метрополе» в августе 1913 года.

– Да.

– В номере 215, если мне память не изменяет.

– Да, очень хороший номер.

Они помолчали.

– Мне сообщили, – произнес наконец управляющий, – что, обращаясь к вам, сотрудники отеля... продолжают использовать... некие почтительные формы обращения и титулы...

– Титулы?

– Да. А именно: ваше сиятельство.

Граф задумался.

– Совершенно верно. Некоторые именно так ко мне и обращаются.

Управляющий грустно кивнул.

– Вы, вероятно, можете представить, в какое положение это меня ставит.

Граф не мог взять в толк, в какое положение ставит управляющего то, что сотрудники отеля обращаются к графу, называя его титул. Но, видя перед собой совершенно изработавшегося человека, он испытывал к нему только чувство симпатии и не хотел ставить его ни в какие щекотливые положения. Поэтому он промолчал и решил послушать, что скажет господин Халеки.

– Лично у меня нет никаких возражений, но что могут подумать другие...

Он сделал в воздухе неопределенный жест рукой и откашлялся.

– Я должен приказать сотрудникам, чтобы они больше не использовали по отношению к вам титулы и старые формы обращения. Думаю, вы согласитесь со мной, что времена изменились.

Управляющий замолчал и с надеждой посмотрел на графа, который поспешил его уверить, что времена действительно изменились.

– Бесспорно, господин Халеки, времена изменились, и джентльмен должен измениться вместе с ними.

Халеки посмотрел на графа с выражением благодарности на лице, которое бывает у человека, осознающего, что собеседник его прекрасно понял и больше ему ничего объяснять не нужно.

Тут раздался стук в дверь, и в дверном проеме появилось лицо Аркадия – консьержа, сидевшего не ресепшене. Управляющий увидел Аркадия, и его плечи поникли. Господин Халеки показал рукой на графа.

– Аркадий, ты же видишь, что я с гостем разговариваю.

– Простите, господин Халеки. Извините, граф Ростов.

Аркадий поклонился управляющему и графу.

– Ладно, Аркадий, в чем дело?

Консьерж сделал жест рукой, как бы подзывая управляющего сообщить ему конфиденциальную информацию.

– Хорошо, сейчас выйду.

Управляющий упер руки в стол, встал и прошаркал мимо графа. Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь, оставив графа в своем кабинете.

«Ваше сиятельство, – философски рассуждал граф, – ваше превосходительство, ваше высочество. Боже, когда-то эти титулы вселяли надежду на то, что ты живешь в цивилизованной стране. Но сейчас, судя по всему, времена изменились...»

Граф как-то неопределенно взмахнул рукой в воздухе.

– Ну, что ж. Может быть, все к лучшему, – произнес он вслух.

Он встал и подошел к гравюрам, чтобы получше их рассмотреть. На гравюрах были изображены три стадии охоты: «Собаки взяли след», «Сигнал» и «Гон». На первой гравюре были изображены собаки. На второй – молодой человек в высоких сапогах и камзоле. В руках молодого человека был медный рожок. Это был изогнутый рожок, которые использовали во время охоты, наверное, еще в рыцарские времена. Вне всякого сомнения, это был красивый и мастерски изготовленный предмет, освещенный вековыми традициями. Однако нужен ли этот предмет в наши дни? Да и не только рожок – стоит ли собирать целый отряд нарядно одетых молодых людей на чистокровных рысках и целую стаю натасканных собак только для того, чтобы загнать лису в нору? Скорее всего, в наши времена это совершенно лишнее.

Времена действительно меняются. Неизбежно меняются. Меняются так, что старого уже не вернуть. Меняются, невзирая на наши чувства по поводу происходящего. Времена меняются, и устаревшими становятся не только старые формы обращения и титулы, но и серебряные колокольчики, которыми хозяйки просят лакеев принести перемену блюд, инкрустированные перламутром оперные бинокли и многие другие красивые, но не идущие в ногу со временем вещи.

«Когда так тщательно и мастерски сделанные предметы становятся совершенно бесполезными, переживают свой срок годности, в них отпадает всякая потребность», – подумал граф.

Он тихонько подошел к двери, прислушался и понял, что за дверью говорят трое: управляющий, Аркадий и кто-то еще. Звуки голосов были приглушенными, но по их тону граф сделал вывод, что разговор далеко не закончен. Граф снова отошел к стене с гравюрами. Стены кабинета управляющего были покрыты деревянными панелями. Граф отсчитал вторую панель снизу от гравюры с изображением погони или, как выражаются охотники, гона, приставил ладонь к центру панели и слегка надавил. Панель поддалась под его рукой и немного ушла в глубь стены. Граф услышал щелчок, отнял руку, панель открылась, и в глубине стены он увидел тайник. В этом тайнике, как и описывал ему великий князь, стоял медный ящичек. Граф достал ящичек, открыл крышку и увидел, что внутри лежат именно они, сделанные рукой настоящего мастера, такие на вид безобидные и безопасные.

– Прекрасно, – сказал граф, – просто прекрасно.

Неожиданная встреча

– Выберите карту, – предложил граф самой низенькой из балерин.

Когда в тот вечер граф зашел в бар «Шаляпин», чтобы выпить вечерний аперитив, он увидел там трех стоявших у стойки в ряд балерин. Их ладони лежали на барной стойке, и вид

у балерин был такой, что они сейчас начнут делать *plie*²⁵. За исключением этих балерин в баре был всего лишь один уставившийся в дно своего стакана посетитель, поэтому граф счел вполне корректным подойти к дамам и завязать с ними разговор.

Как только девушки открыли рот, он понял, что они не из столицы. Как выяснилось, всех их художественный руководитель Большого театра Горский нашел в провинции, куда каждый год осенью выезжал в поисках новых талантов для кордебалета. У балерин были длинные ноги и короткий торс, именно то телосложение, которое предпочитал Горский. Правда, барышни были совсем молоденькими и на их лицах не было выражения отчужденности, свойственного известным и опытным исполнительницам. Сам факт, что эти молодые особы явились в бар «Метрополя» без мужской компании, свидетельствовал об их неискренности.

«Метрополь» находился вблизи от Большого театра, поэтому художественный руководитель заходил сюда, чтобы обсудить творческие вопросы со своими прима-балеринами. Если бы Горский обнаружил в баре трех молодых балерин, попивавших мускат, то вскоре им бы пришлось исполнять па-де-де в Петропавловске.

Возможно, графу, который все это знал, стоило предупредить молодых балерин.

Но личная свобода и свобода выбора являются основой морали со времен древних греков, поэтому граф, как истинный джентльмен, не стал советовать милым девушкам покинуть помещение по той причине, что у них могли возникнуть в связи с этим разные проблемы.

Поэтому граф, несмотря на то что дни, когда он ухаживал за девушками, остались в прошлом, сделал им несколько комплиментов, поинтересовался, как им понравилась Москва, поздравил их с успехом и достижениями, настоял на том, что заплатит за их вино, узнал, откуда они, и потом предложил показать карточный фокус.

Аудриус передал графу колоду карт, на рубашке которых был герб «Метрополя».

– Прошло много лет с тех пор, как я показывал этот фокус в последний раз, – признался граф, – поэтому прошу вас строго меня не судить и набраться терпения.

Он начал перемешивать колоду. Три балерины, словно грации из древнего мифа, смотрели на него. Отношение каждой к тому, что делал граф, было разным: одна обратила на него невинный взор, вторая смотрела глазами романтика, а у третьей был скептический взгляд. Балерину, которая смотрела невинными глазами, граф и попросил выбрать карту.

Пока девушка соображала, какую карту выбрать, граф почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной и смотрит ему через плечо. Граф подумал, что наверняка объявленный им карточный фокус привлек внимание какого-нибудь клиента, однако, когда он повернулся, чтобы подмигнуть стоявшему за спиной, то увидел, что это был консьерж Аркадий.

– Простите за беспокойство, граф Ростов. Можно вас на секунду?

– Конечно, Аркадий.

Он улыбнулся балеринам и отошел с Аркадием на несколько шагов в сторону. Аркадий поведал графу следующее: в половине седьмого какой-то господин постучался в номер, в котором проживал секретарь Тараковский. Когда партийный функционер открыл дверь, господин захотел узнать его имя, а также то, что тот делает в этом гостиничном номере. Тараковский ответил, что он проживает в этом номере, после чего незваный гость потребовал, чтобы его пустили внутрь. Когда Тараковский отказался выполнить эту просьбу, незнакомец вломился в номер, осмотрел все комнаты и даже зашел в *salle de bain*²⁶, в которой госпожа Тараковская занималась своим *toilette*.

Аркадия по телефону вызвали в номер. Секретарь Тараковский пребывал в самом возбужденном состоянии, размахивал руками и требовал, чтобы вызвали управляющего и защитили права «постоянного клиента отеля и партийного работника со стажем».

²⁵ Плие (*фр.*) – балетное па, приседание на двух или одной ноге.

²⁶ Ванную (*фр.*).

Незванный гость в это время сидел на диване, скрестив руки на груди. Он заявил, что предложение Тараковского его полностью устраивает и он сам готов вызвать управляющего. По поводу большого партийного стажа секретаря Тараковского он заявил, что сам вступил в партию еще до рождения секретаря, что кажется весьма сомнительным, поскольку товарищу Тараковскому уже за восемьдесят...

Граф внимательно выслушал Аркадия и заметил, что эта удивительная история произведет впечатление на любого гостя известного отеля, станет со временем былинной, и он сам, граф, готов будет пересказать ее при подходящем случае и благоприятном стечении обстоятельств. Единственное, что граф не мог взять в толк, – это то, почему Аркадий решил поведать ему этот курьезный случай.

– Ну как же! – воскликнул Аркадий. – Товарищ Тараковский проживает в номере 317, а незванный гость, вломившийся в его номер, искал вас.

– Меня? – удивился Ростов.

– Да.

– И как его зовут?

– Он отказался назвать свое имя.

...

– И где этот человек сейчас?

Аркадий показал в сторону фойе.

– Протирает ковер около растений в кадках.

– Протирает ковер, говорите?

Граф подошел к дверям бара и окинул взглядом фойе. Аркадий осторожно выглянул из-за спины графа. И действительно, на противоположной стороне фойе взад и вперед по ковру расхаживал какой-то господин.

Граф улыбнулся.

Несмотря на то что Михаил Федорович Миндих набрал несколько лишних килограммов, у него были такая же всклокоченная борода и быстрая походка, как тогда, когда они встретились впервые, когда им обоим было по двадцать два года.

– Вы знаете этого господина? – спросил Аркадий.

– Как своего родного брата, – с улыбкой ответил граф.

Когда граф и Михаил Федорович познакомились в Императорском университете в Санкт-Петербурге осенью 1907 года, они были очень разными людьми. Граф вырос в особняке с двадцатью комнатами и челядью в составе четырнадцати человек, а Михаил в скромной двухкомнатной квартире, где проживал со своей матерью. Если графа знали во всех салонах Петербурга как человека острого на язык, умного и очаровательного, то Михаила не знал никто, потому что он предпочитал проводить вечера не за светской беседой, а за чтением умных книг в своей комнате.

В начале их общения казалось, что, будучи людьми диаметрально противоположными, они никогда не смогут подружиться. Однако судьба распорядилась иначе. Михаил всегда вступал в жаркие споры, не обращая внимания на количество оппонентов и их физическую силу, а граф привык защищать тех, кто оказался в меньшинстве. Так получилось, что буквально в течение первой недели занятий в университете граф вступился за Михаила, после чего побили их обоих.

Это и послужило началом их дружбы. С тех пор граф часто слушал рассуждения Михаила о новых идеях и теориях, а Михаил – рассказы графа о светской жизни в салонах города. Через год они вместе сняли квартиру над мастерской сапожника на Среднем проспекте.

Позже граф неоднократно подчеркивал то, что в выборе их места проживания, то есть в том, что они сняли квартиру над мастерской сапожника, был перст судьбы. Дело в том, что

Михаил Миндих был человеком, который любил расхаживать по комнате и за день мог накрутить двадцать километров в комнате площадью двадцать квадратных метров. Михаил мог бы накрутить столько же километров, расхаживая в ложе театра или даже в мизерном пространстве исповедальни, если бы он был католиком.

Граф часто приглашал своего друга выйти в свет – сходить к Платоновым на ужин, к Петровским на бал или посетить салон какой-нибудь княгини, однако Мишка неизменно отказывался, говоря, что нашел в книжной лавке томик некоего Фламенхешера, который ему необходимо немедленно прочитать. Однако, как только Михаил оставался в одиночестве, он проглатывал лишь первые пятьдесят страниц манускрипта, затем вскакивал с места и принимался ходить из угла в угол, громко сам с собой обсуждая прочитанное, согласен он или нет с позицией автора, его доводами, логикой, орфографией и пунктуацией. Иными словами, когда граф в два ночи возвращался со светского раута, то обнаруживал, что Мишка не продвинулся дальше пятидесятой страницы книги, но зато протер подошвы обуви и ковер, словно за это время успел совершить паломничество на Святую землю.

Как граф мог заметить, за все эти годы Михаил не изменил своей привычке ходить взад-вперед по комнате. Однако Ростов не мог понять одного – почему его старый друг неожиданно появился в Москве, раз он недавно получил работу в Петербургском университете, который они оба окончили.

Они обнялись и потом поднялись на чердак в комнаты графа. Ростов проинформировал друга о том, что его жизненные обстоятельства и жилищные условия несколько изменились, поэтому Мишку не удивили новые апартаменты Ростова. Михаил остановился около бюро на трех ножках, посмотрел на лежавшую там книгу и удивленно спросил:

– Ты читаешь «Опыты» Монтеня?

– Да, – подтвердил граф.

– Мне казалось, что ты не поклонник подобной литературы.

– Нет, почему же? Вполне достойное произведение. Но ты мне лучше скажи, какие дела у тебя возникли в Москве?

– Я помогаю в организации первого съезда Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, или сокращенно – ВАПП, который будет созван в июне следующего года. Но об этом чуть позже.

Мишка достал из своего вещмешка бутылку вина, на горлышке которой был логотип в виде двух выпуклых скрещенных ключей.

– Я надеюсь, что не очень сильно опоздал.

Граф взял в руку бутылку, посмотрел на логотип, покачал головой и улыбнулся.

– Мишка, ты всегда вовремя.

После этого он провел своего друга сквозь висевшие в кладовке пиджаки.

* * *

Пока граф мыл вынутые из «посла» стаканы, Михаил внимательно осмотрел обстановку кабинета своего друга. Стол, стулья, а также *objets d'art* были ему прекрасно знакомы потому, что все это граф перевез из имения Тихий Час, в котором Михаил много раз бывал.

Начиная с 1908 года граф каждое лето в июле месяце приглашал Мишку погостить в имении Тихий Час. Они ехали из Петербурга на поездах, составы которых становились короче по мере того, как они пересаживались с одного поезда на другой. Они выходили из вагона на станции в чистом поле, где их ждала присланная из имения карета, запряженная четверкой лошадей. Молодые люди грузили чемоданы на крышу кареты, кучер пересаживался внутрь, и граф с Михаилом садились на козлы. Потом они неслись по дороге, приветственно махая

руками встречавшимся по пути молодым крестьянкам, и наконец сворачивали в обсаженную яблонями аллею, ведущую к имению.

Пока они снимали пальто в прихожей, лакеи относили их чемоданы в спальни, расположенные на втором этаже восточного крыла здания. Граф звонил в колокольчик, появлялся лакей, и молодые люди просили принести им холодного пива, кваса или наполнить ванну, чтобы помыться с дороги. После этого они шли в гостиную, в которой на каждом столе стояла красная пагода, чтобы засвидетельствовать свое почтение графине, которая в это время обычно пила чай с гостями – соседями голубых кровей.

Старая графиня всегда одевалась только в черное. Она была человеком независимого склада ума, не терпела мелочных людей с их мелочными делами, смотрела на всех с высоты своего возраста и большого опыта и поэтому поддерживала новые веяния и идеи молодежи. Она с улыбкой смотрела на своего внука, который мог высказать в общем разговоре не самое лестное мнение о церкви и поведении представителей правящего класса. Если гости начинали возмущаться этими бунтарскими настроениями, она подмигивала графу, который вместе с Михаилом принимался спорить с помещиками-ретроградами и доказывать им, что новые времена требуют нового и более гибкого подхода со стороны правящей элиты.

Выразив свое почтение графине, друзья отправлялись на поиски Елены. Иногда они находили ее под высоким вязом у излучины реки или на веранде дома с видом на сад. Услышав звук их шагов, Елена поднимала глаза от книги или рукоделия и приветствовала их обаятельной улыбкой, похожей на ту, которую можно увидеть на ее портрете кисти Серова.

В присутствии Елены обычно Мишка начинал развивать самые сумасбродные идеи и проекты. То он говорил, что в вагоне поезда по пути в имение они повстречали графа Льва Толстого, то, что сам он решил уйти в монастырь и дать обет молчания. Причем уйти в монастырь безотлагательно. Сразу же после обеда.

– Послушай, – спрашивала Елена, – а ты уверен, что молчание тебе подойдет?

– Как глухота подходила Бетховену, – отвечал Мишка.

Елена громко смеялась, а потом смотрела на брата и спрашивала: «Ну как же ты дошел до такой жизни, Александр?»

Все ближайшие родственники графа задавали ему этот вопрос. Но каждый из них задавал этот вопрос по-разному.

Крестный отец графа, великий князь, задавал этот вопрос исключительно риторически. Когда он узнавал о том, что граф не оплатил какой-нибудь счет или начал получать плохие оценки, он вызывал его в библиотеку, зачитывал письмо из университета или жалобу о неуплате счета, бросал письма на стол и задавал этот вопрос, совершенно не ожидая от крестника ответа. Великий князь понимал, что последствием такого поведения графа может быть долговая тюрьма или банкротство, а может быть, и то и другое.

Вопрос: «Ну как же ты дошел до такой жизни, Александр?», бабушка графиня задавала только после того, как граф позволял себе какое-либо спорное или скандальное высказывание. В ее устах вопрос звучал без укоризны, и все понимали, что граф – ее любимчик, который имеет право на свое мнение и может жить так, как ему нравится.

Когда Елена задавала графу этот вопрос, то казалось, что ответ на него является загадкой, которую никто не в силах разгадать. Несмотря на весьма неоднозначные успехи графа в учебе, зависевшие исключительно от его прилежания, и активную светскую жизнь, которую он вел, никто не мог предвидеть, как сложится его жизнь в будущем.

– Ну как же ты дошел до такой жизни, Александр? – спрашивала Елена своего брата.

– Хороший вопрос, – отвечал он, после чего ложился на траву, рассматривал облака и делал вид, что пытается в их форме найти ответ на этот вопрос.

Да, это были золотые деньки, просто райские, подумалось Михаилу. Эти золотые деньки ушли в прошлое точно так же, как ушли в прошлое сюртуки, корсеты, кадрили, безик²⁷, крепостное право и иконы в каждом доме. Несмотря на то что для них это были золотые деньки, это было время дремучего суеверия и страшного угнетения, эпоха, во время которой избранные ели телячьи котлеты, а большинство населения питалось гречневой кашей и прозябало в нищете физической и моральной.

Михаил перевел задумчивый взгляд с портрета Елены на знакомую ему книжную полку, уставленную романами, написанными в XIX веке.

Все это уже в прошлом, опять подумал он. Как и все эти приключенческие и любовные романы, написанные при старом режиме и которые так нравятся моему другу.

На самом верху книжной полки в узкой рамке стояла черно-белая фотография русской и японской делегаций, подписавших мирный договор между двумя странами в Портсмуте. Вот эта фотография была реальной, а не эфемерной, как романы ушедшей эпохи.

Мишка взял фотографию в руки и внимательно всмотрелся в серьезные и исполненные ответственности лица изображенных на ней людей. На ней русские и японские делегаты были сфотографированы вместе. Это были люди с усами, высокими стоячими воротничками и в галстуках-бабочках. На лицах этих людей было серьезное и торжественное выражение государственных мужей, которые достигли больших успехов, закончив войну между двумя странами. В центре фотографии стоял представитель царя, великий князь.

В 1910 году гостивший в Тихом Часе Михаил присутствовал на десятилетней годовщине смерти родителей своего друга, чтобы, не чокаясь, поднять бокалы с *Châteauneuf-du-Pape*²⁸. Через несколько дней после того, как он вместе с Александром приехал в Тихий Час, туда начали прибывать гости из Москвы, Петербурга и своих имений. Когда все собрались в большом зале, великий князь поднял тост за покойных родителей Александра и Елены, которые умерли с промежутком в несколько часов.

Великий князь был человеком видным, и казалось, что он так и родился в сюртуке с наградами. Он умер, сидя на лошади, двадцать первого сентября 1910 года, то есть ровно десять лет назад.

– Вот это был настоящий человечиче!

Мишка повернулся и увидел, что за его спиной стоит граф с двумя бокалами для бордо в руках.

– Человек с большой буквы, – сказал Михаил другу и с уважением поставил фотографию на место. Потом они открыли бутылку, наполнили бокалы и подняли их.

* * *

– Знал бы ты, Саша, что за люди там соберутся!..

Когда они выпили за светлую память великого князя, Михаил начал рассказывать о готовившемся съезде Всероссийской ассоциации пролетарских писателей.

– Это будет совершенно потрясающее мероприятие, и пройдет оно в самое удивительное время! Представь себе, что на нем будут присутствовать Булгаков, Мандельштам, Ахматова и Маяковский – все эти люди окажутся за одним столом, и никто из них не будет бояться репрессий и ареста. У каждого из них есть свое творческое видение и собственное отношение к происходящему, но, собравшись вместе, они создадут новую поэзию. Это будет универсальная,

²⁷ Карточная игра.

²⁸ Название вина «Шатонеф-дю-пап» («Новый замок папы») – отсылка к почти 70-летнему периоду (1309–1378), когда резиденция папы римского, главы католической церкви, находилась не в Риме, а во французском городе Авиньоне.

общемировая поэзия, Саша. В произведениях этой новой поэзии не будет колебаний. И музой писателей и поэтов станет Человек и его стремление построить светлое будущее.

Мишка вскочил со стула и начал возбужденно ходить из одного угла в другой по кабинету друга, забрасывая его идеями.

– Ты, возможно, помнишь книгу датчанина Томсена...²⁹

Граф не помнил никакого Томсена, но не стал прерывать Мишку, как не стал бы прерывать игру Вивальди на скрипке.

– Этот ученый разделил историю человечества на периоды каменного, бронзового и железного веков, основываясь на свойственных каждой эпохе инструментах. Однако он не учел фактора духовного развития человечества. Не учел он и фактора морального развития. Замечу, что такого развития никто не останавливал и не отменял. В каменном веке идеи первобытного человека были такими же тупыми, как каменный топор, и неуклюжими, как палка-копалка. В бронзовом веке открыли искусство плавки металлов, и очень скоро из металла начали делать монеты, короны и мечи. Вот тебе святая троица, которая поработила человечество на многие столетия.

Мишка замолк и задумчиво посмотрел в потолок.

– И вот наступил железный век. Появились паровой двигатель, печатный станок и огнестрельное оружие. Вот тебе, пожалуйста, новая святая троица. Эти три инструмента использовала буржуазия в собственных интересах, и при помощи этих инструментов пролетариат начал освобождаться от невежества и гнета тирании.

Михаил на мгновение задумался, захваченный полетом собственных мыслей.

– Надеюсь, мой друг, что ты согласишься со мной в том, что сейчас начался век стали. Мы начали строить электростанции, небоскребы и самолеты. Кстати, ты уже видел Шуховскую радиобашню?

Граф отрицательно покачал головой.

– Это совершенно потрясающее архитектурное сооружение, Саша. Ее высота составляет почти сто пятьдесят метров. Это гиперболоидная конструкция, выполненная в виде стальной сетчатой оболочки. При помощи этой башни можно передавать новости, информацию и даже сентиментальную музыку любимого тобой Чайковского на радиоприемники в домах граждан, расположенных на большом расстоянии от башни. Радио поможет укрепить моральные устои нашего общества. Я думаю, что уже на нашем веку придет конец угнетению и эксплуатации и наступит эра братства всех людей на земле.

Мишка остановился, чтобы перевести дух.

– «Ну а что же поэзия?» – спросишь ты меня. «Что там у нас с печатным словом и художественной литературой?» И я тебе отвечу: раньше слова ковали из бронзы и железа, а новые слова будут отливать из стали. Поэты забудут о катренах, дактилях и тропах. Новая поэзия станет поэзией действия, поэзией, которая облетит все континенты и передаст музыку слов в космос!

Если бы граф слышал подобные рассуждения от студента в кафе, он бы, возможно, заметил, что в наши дни поэту недостаточно только писать стихи. Современная поэзия должна быть манифестом, написанным в будущем времени от первого лица множественного числа, в ней должно быть много риторических вопросов, восклицательных знаков и слов, написанных заглавными буквами. В общем, как правильно заметил Михаил, эта поэзия должна стать совершенно *новой*.

Но такие соображения появились бы в голове графа, если бы он услышал их от кого-нибудь другого. В устах же Михаила эти слова звучали как гимн радости.

²⁹ Юргенсен Томсен Кристиан (1788–1865) – датский археолог, иностранный член-корреспондент Петербургской АН, создатель археологической периодизации по векам: каменный, бронзовый, железный.

Иногда человек может не попадать в ногу со временем. Человек может родиться в городе, прославленном своими традициями, культурой, модой, архитектурой и идеями, которые вдохновляют всех окружающих, однако сам этот человек может ничего этого не видеть и считать, что его город хвалят совершенно зря. Такой человек не понимает, что происходит вокруг него, и не разделяет ни чувств, ни устремлений своих сверстников.

Такой человек не будет счастлив в любви и не добьется успеха в выбранной им профессии. Почему? Потому, что он не идет в ногу со временем. Такой человек может сам пенять на себя и искать утешение в забытых и пыльных книгах. И когда его друг будет возвращаться в два часа ночи в квартиру, которую они вместе снимают, и рассказывать ему о том, что происходит в самых модных салонах города, такой человек будет лишь внимательно его слушать.

Вот именно так Мишка и прожил немалую часть своей жизни.

Но может случиться и так, что человек, который не попадал в ногу с эпохой, вдруг совершенно неожиданно окажется в правильном месте в правильное время. Идеи и моды, которые раньше казались ему чужими, исчезнут, и на их месте появятся те, которые покажутся ему понятными и привлекательными. Как моряк, который долго плавал в неведомых морях, он проснется однажды и увидит над головой знакомые созвездия.

И когда подобное происходит, то человек, долго чувствовавший себя никчемным и бесполезным, переживает пробуждение и обострение всех чувств. Прошлое кажется ему необходимым этапом для достижения прекрасного будущего, которое вскоре наступит.

Часы пробили полночь. Даже Мишка не мог отказаться от еще одного бокала, чтобы выпить за великого князя, но и за Елену и графиню, за поэзию и ритм, за имение Тихий Час и за многие другие прекрасные вещи в этой жизни.

Сочельник

Однажды вечером в декабре, когда граф шел по фойе в сторону «Пящцы», на него вдруг дохнуло холодным морозным воздухом. Граф был немного озадачен, потому что до ближайшей двери на улицу было более десяти метров. Этот морозный холодок словно озарил его ясностью и свежестью ночи, освещенной яркими звездами. Он остановился, чтобы понять, откуда исходит этот холод, и понял, что... из гардеробной. В гардеробной работала Таня, но в тот момент ее не было на месте. Граф посмотрел налево и направо, после чего вошел в гардеробную.

Видимо, недавно в ресторан на ужин прибыла большая группа гостей и зима проникла в помещение на их шубах и пальто. Вот военная шинель, на плечах которой еще не растаял снег. Вот еще одно, мокрое от растаявшего снега шерстяное пальто номенклатурщика. А вот и черная норковая шуба с воротником из горноста (или, возможно, соболя), которая, наверное, принадлежит любовнице комиссара. Граф поднял к носу рукав шубы и почувствовал запах дыма от камина и какой-то намек на пряный *eau de cologne*. Возможно, дама приехала из какого-нибудь элегантного дома на Бульварном кольце на машине, черной, как ее шуба. А может быть, она пришла пешком по Тверской, покрытой свежевыпавшим снегом, мимо памятника Пушкину. А может быть, она даже явилась в ресторан на санях, под стук копыт лошадей, хлопки кнута и крики «Давай, тпрруу!».

Именно так граф с сестрой разъезжали по гостям вечером перед Новым годом. Брат с сестрой обещали бабушке, что к полуночи вернутся, и садились в тройку, чтобы навестить соседей. Накрывшись пологом из волчьих шкур, граф брался за вожжи и спрашивал Елену: «С кого начнем? С Бобринских или Давыдовых?»

Куда бы они ни приехали, везде был праздник, горели огни и их принимали с распростертыми объятиями. Все были нарядно одеты и взволнованы, и уже подвыпившие сентиментальные старики, прослезившись, произносили тосты, а маленькие дети следили за происхо-

дящим с лестницы на второй этаж. Во всех домах играла музыка, от которой хотелось пить до дна и пускаться в пляс.

Так Ростовы посещали дома двух или трех соседей. Когда время приближалось к полуночи, они неверными шагами выходили из дома соседей и садились в сани, чтобы возвращаться в имение. На следующий день соседи видели на свежем снегу прямые следы от саней, вокруг которых кренделями шли их следы, так что сверху казалось, будто на снегу нарисован огромный скрипичный ключ.

Они неслись назад в усадьбу, срезая путь через село Покровское, где были монастырь и церковь Вознесения. Эта церковь была построена в 1814 году в честь победы над Наполеоном, и высота ее была чуть меньше самой высокой башни Московского Кремля. В звоннице церкви было двадцать колоколов, переплавленных из захваченных у французов пушек, и казалось, что в колокольном звоне звучали слова: «Боже, царя храни! Храни Россию!»

Они выезжали из села, и граф был готов гнать лошадей во весь опор, но Елена клала ладонь ему на плечо, чтобы он ехал помедленнее. Наступала полночь, и в морозном воздухе послышался колокольный звон. Они сидели, слушали звон колоколов и тяжелое дыхание коней. Если прислушаться, то можно было услышать и колокола церкви Святого Михаила, расположенной в пятнадцати километрах от Покровского, а также перезвоны колоколов церкви Троицы из деревни в противоположной стороне. Звуки колоколов доносились до них, словно крики стаи перелетных лебедей, решивших заночевать на поверхности пруда.

Граф проезжал через село Покровское, когда ехал в 1918 году из Парижа в Тихий Час. В тот день вокруг монастыря собралось много крестьян. В монастыре стоял отряд красных кавалеристов под командованием молодого офицера. Несколько бойцов забрались на колокольню и сбрасывали с нее один за другим колокола на землю. Чтобы сбросить большой колокол, пришлось отправить на колокольню еще несколько кавалеристов. Наконец гигантский колокол перевернулся в воздухе и с невероятным грохотом ударился о землю.

Из монастыря выбежал разгневанный настоятель и потребовал у красного командира во имя Господа прекратить осквернение церкви. Командир закурил папиросу и ответил ему: «Воздатите кесарева кесареви и божия богами». После этого он приказал кавалеристам заткнуть настоятеля на верх колокольни и сбросить вниз.

Говорят, что сброшенные с колокольни колокола переплавили на пушки, из которых те были в свое время сделаны. Граф слышал, что колокола переплавили из пушек, брошенных французами при переходе через Березину, но и французы, в свою очередь, выплавили эти пушки из колоколов, снятых с церквей Ла-Рошели, которые сами были отлиты из захваченных английских орудий во времена Тридцатилетней войны. Из пушек в колокола и снова в пушки – вот, видимо, удел железа.

– Граф Ростов?

Граф поднял глаза и увидел, что в гардеробную вернулась Таня.

– Соболю, скорее всего, – сказал граф и отпустил рукав шубы. – Да, видимо, соболю.

* * *

Декабрь, «Пьяцца»...

Со времени открытия «Метрополя» москвичи считали рестораны отеля одними из лучших мест в городе для встречи Нового года. Уже первого декабря в «Пьяцце» стояла елка, на которой висели гирлянды и венки. К восьми часам тридцать первого декабря, к моменту, когда начинал играть оркестр, все столики были уже заняты. Около девяти часов официанты стаскивали отовсюду стулья, чтобы разместить всех прибывавших гостей. На каждом столе (вне зависимости от достатка людей, которые за ним сидели) стояла черная икра, которую, как известно, можно есть хоть ложкой, хоть черпаком.

В тот новогодний вечер граф обнаружил, что в ресторане две трети столов пустуют, зал не украшен гирляндами, а вместо оркестра на сцене один баянист.

Но, как знает каждый ребенок, музыка любого праздника начинает звучать внутри собственной головы. За столом у фонтана граф увидел Нину в ярко-желтом платье, перетянном темно-зеленым поясом.

– С Рождеством! – произнес граф и поклонился.

– И вам всего, – сказала Нина, поднявшись со стула и сделав книксен.

Потом они сели и положили салфетки на колени. Нина сказала, что чуть позже уедет с отцом на ужин, а пока закажет себе закуски.

– Здоровая мысль, – ответил граф.

Тут около их столика появился «шахматный офицер». На подносе в его руках была большая вазочка с мороженым.

– Закуски? – спросил официант.

– *Oui*³⁰, – ответила Нина.

Официант поставил мороженое перед Ниной, повернулся к графу и спросил, не желает ли он меню (словно к тому времени граф не знал этого меню наизусть).

– Нет, не надо, милейший. Ложку, пожалуйста, и бокал шампанского.

Нина была девочкой, методично подходившей к решению любой стоявшей перед ней важной задачи, и поэтому она начала есть, постепенно переходя от мороженого более светлых оттенков к более темному. Она начала с «французской ванили», а потом перешла к лимонному, напоминавшему цветом ее собственное платье.

– Ну что, – спросил ее граф, – кажется, ты скоро едешь домой?

– Да, будет очень приятно всех увидеть, – ответила Нина. – А потом, когда вернусь в январе в Москву, пойду в школу.

– Что-то я не вижу в тебе большого энтузиазма по поводу школы.

– Мне кажется, что в школе будет очень скучно, – призналась она. – И там будет очень много детей.

Граф кивнул, подтверждая, что в школе неизбежно будет много детей, и зацепил ложкой клубничного мороженого. Потом он заметил, что ему в свое время школа очень нравилась.

– Мне все только это и говорят.

– В школе я с большим удовольствием прочитал «Одиссею» и «Энеиду», познакомился с людьми, с которыми дружу и по сей день...

– Да, да, – устало произнесла Нина, подняв глаза к небу. – Это мне тоже все говорят.

– Ну, если тебе об этом все говорят, наверное, это правда.

– Что такое «все»? – спросила Нина. – И зачем всех слушать? Кто написал «Одиссею»? Все? Или, может, все написали «Энеиду»? – Она покачала головой. – Получается, «все» и «никто» – очень близкие понятия.

Возможно, графу надо было сменить тему разговора, но ему очень не хотелось, чтобы эта девочка пошла в школу с таким пессимистическим настроем. Нина начала есть мороженое темного цвета (наверное, со вкусом черной смородины), а граф размышлял о том, как объяснить ей преимущества школьного образования.

– Не отрицаю, что в школе есть свои недостатки, – вновь заговорил он. – Но я думаю, ты согласишься, что школьное образование расширит твои горизонты.

Нина посмотрела ему в глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Что я имею в виду о чем?

– Что ты имеешь в виду под выражением «расширит твои горизонты»?

³⁰ Да (*фр.*).

Выражение «расширить горизонты» было настолько известной аксиомой, что граф даже и не знал, как его объяснить. Поэтому перед тем как ей ответить, он знаком попросил официанта принести ему еще один бокал шампанского. Как водится, шампанское в больших количествах пьют на свадьбах и разбивают о нос нового судна, которое спускают с верфи. Почему в таких случаях используют именно шампанское? Большинство людей считает, что шампанское и торжества неразрывно связаны, но на самом деле пьют его потому, что его пузырьки укрепляют решимость человека. Поэтому граф дождался, пока ему принесут новый бокал, и сделал большой глоток. От пузырьков защекотало в носу.

– Под выражением «расширит горизонты», – сказал он, – я понимаю то, что школьное образование поможет тебе понять, что мир огромен, полон чудес и в нем живут самые разные люди.

– Послушай, а не лучше ли просто много путешествовать?

– Путешествовать?

– Ты же говоришь о горизонтах, верно? Горизонт – это граница неба с земной или водной поверхностью. Мне кажется, что, для того чтобы расширить горизонты, надо не сидеть в душном классе, а двинуться в сторону горизонта, чтобы увидеть, что за ним находится. Именно так поступил Марко Поло, когда ехал в Китай, и Колумб, чтобы открыть Америку. Петр Первый тоже так поступил, когда путешествовал инкогнито по Европе.

Нина замолчала, зачерпнула полную ложку шоколадного мороженого и отправила его в рот. Граф уже приготовился что-то сказать, но она замахала на него ложкой, давая понять, что еще не закончила. Он терпеливо ждал, пока она проглотит.

– Вчера вечером мы с папой ходили на «Шехерезаду».

– Замечательно, – ответил граф, очень довольный тем, что она сменила тему. – Одно из лучших произведений Римского-Корсакова.

– Возможно, но я воздержусь от комментариев. Я о другом: в программке было написано, что это произведение должно «очаровать» зрителей и показать им «мир сказок «Тысячи и одной ночи»».

– «Лампа Аладдина» и так далее, – заметил граф с улыбкой.

– Правильно. И, как мне показалось, все в зале были очарованы.

– Ну, видишь, как все хорошо.

– Но при этом ни один из зрителей не начал собираться в поездку на Аравийский полуостров, то есть туда, где должна находиться эта лампа.

Как только Нина замолчала, баянист закончил играть и в зале раздались жидкие хлопки. Девочка откинулась на спинку стула и покачала головой, словно благодарила слушателей за аплодисменты.

Хороший игрок в шахматы сам опрокидывает на доску своего короля, когда понимает, что поражение неизбежно, вне зависимости от того, через сколько ходов ему поставят мат. Поэтому граф сменил тему:

– Как тебе закуски?

– Просто замечательные.

Баянист заиграл какую-то простенькую и знакомую мелодию. Граф воспринял это как сигнал, чтобы поднять тост.

– Грустным и неизбежным фактом является то, что с возрастом круг нашего общения сужается. Объяснить это можно привычкой и упадком сил. Поэтому со временем нас начинают окружать всего лишь несколько до боли знакомых лиц. Я считаю, мне очень повезло, потому что на этом этапе своей жизни я встретил нового настоящего друга.

Граф выпил и достал из кармана подарок.

– Этой вещью я часто пользовался, когда мне было столько лет, сколько сейчас тебе.

Нина улыбнулась, пытаясь показать, что он совершенно не был обязан дарить ей подарок, правда, ее улыбка получилась не очень убедительной. Она развернула бумагу и увидела театральный бинокль графини Ростовой.

– Эта вещь принадлежала моей бабушке, – объяснил граф.

Впервые за все время общения с Ниной, граф увидел, что девочка не в состоянии найти слова, чтобы передать свое восхищение. Сначала она долго рассматривала театральный бинокль с инкрустацией из перламутра и блестящими медными деталями. Затем, приставив бинокль к глазам, она обвела взглядом зал.

– Можешь быть уверен, – наконец сказала она, – что я буду бережно хранить твой подарок до конца жизни.

Графа совершенно не расстроило, что Нина не принесла ему подарка. Нина была ребенком, а он уже вырос, поэтому дни, когда он получал подарки, остались в далеком прошлом.

– Время уже позднее, – сказал граф, – и я не хочу, чтобы папа тебя ждал.

– Да, – с грустью в голосе согласилась она. – Мне пора идти.

Она повернулась в сторону официанта и подняла руку, словно хотела попросить принести счет. Однако когда к их столику подошел «шахматный офицер», в его руках был не чек, а большая желтая коробка, перевязанная зеленой лентой.

– А вот это мой подарок тебе, – сказала Нина. – Но, пожалуйста, пообещай, что ты не откроешь его до тех пор, пока часы не пробьют двенадцать.

После того как Нина ушла из ресторана, граф думал расплатиться, перейти в «Боярский», съесть там отбивную из ягненка с прованскими травами и вернуться в комнату, чтобы, потягивая портвейн, ждать полуночи. Однако баянист заиграл новую мелодию, и, осмотревшись вокруг, граф обратил внимание на молодую пару за соседним столиком, понимая, что молодой человек пригласил сюда девушку, вполне возможно, на первое свидание.

Видимо, этот молодой человек с пушком на верхней губе увидел девушку в университетской аудитории, и ему понравилось ее серьезное выражение лица, а также стремление к знаниям. Он набрался смелости и пригласил ее на свидание, возможно, под предлогом того, чтобы обсудить какой-нибудь политический и идеологический вопрос. И вот эта девушка молча и без улыбки на губах сидела напротив него за столом в ресторане «Пьяцца».

Молодого человека тяготило ее молчание, и он произнес несколько слов о предстоящем создании Союза Советских Социалистических республик, чтобы выяснить мнение девушки. И у девушки было свое мнение по этому вопросу. Она высказала его, но не забыла упомянуть о не самой благоприятной обстановке в районе Кавказа.

Разговор двух молодых людей вошел в сугубо политическое русло, максимально далекое от теплых человеческих отношений. Юноша, разумеется, мог обсудить предложенную его спутницей тему, но при этом возникал риск, что она сочтет его знания и подготовку недостаточно серьезными. Праздничный вечер оказался под угрозой. Все шло к тому, что через некоторое время он, повесив голову, грустно выйдет из ресторана, волоча за собой хвост несбывшихся надежд, как наказанный ребенок тащит по полу плюшевого мишку.

Сразу же после того, как девушка предложила молодому человеку высказаться по поводу образования СССР и кавказского вопроса, баянист заиграл мелодию, в которой было что-то испанское. Спутница молодого человека за соседним столиком повернулась в сторону баяниста и спросила, что это за мелодия.

– Это из «Щелкунчика», – уверенно ответил молодой человек.

– Из «Щелкунчика»... – задумчиво повторила его спутница.

Судя по выражению ее лица, единственное, что она могла сказать об этой музыке, было то, что она написана в старые времена. Более опытный человек в такой ситуации смолчал бы и подождал, что девушка скажет по поводу музыки, но ее спутник повел себя по-другому.

– Когда я был маленьким, бабушка каждый год в декабре водила меня на балет «Щелкунчик», – сказал он. – Пусть меня сочтут сентиментальным, но я и сейчас хожу на этот балет. Один, но хожу.

«Молодец парень!» – подумал граф.

Выражение лица девушки смягчилось, и в ее глазах появился интерес, потому что она узнала о своем товарище что-то новое, неожиданное и личное. Она открыла рот, чтобы о чем-то его спросить, и тут...

– Вы готовы сделать заказ? – раздался голос склонившегося над их столиком официанта.

«Конечно, не готовы! – хотел было крикнуть ему граф. – Даже слепой видит, что они еще не готовы!»

Если бы молодой человек был немного более опытным, он бы тут же отправил официанта куда подальше и предложил девушке продолжить разговор. Но вместо этого он послушно взял в руки меню. Возможно, он надеялся, что блюдо, которое он хочет заказать, само выпрыгнет из меню. Тут стоит заметить, что меню в ресторане было опасным и коварным, как Мессинский пролив³¹. В меню слева были напечатаны блюда эконом-класса, а справа – блюда дорогие, которые явно были не по карману молодому студенту. Юноша лихорадочно искал глазами в меню, пытаясь найти что-то хорошее, но не очень дорогое. И он сделал правильный выбор, заказав тушеное мясо по-латышски.

Это было простое, но сытное блюдо, приготовленное из свинины, лука и абрикосов. Оно не было дорогим, но при этом достаточно экзотическим и редким. Блюдо это словно уносило тебя к прибалтийским пляжам, отдыху и сентиментальным мыслям, которыми молодой человек делился с девушкой и поток которых был так грубо прерван бестактным официантом.

– Мне то же самое, – сказала девушка.

«Молодец, – подумал граф. – Очень хорошо!»

Девушка посмотрела на своего спутника с нежностью, с которой Наташа смотрела на Пьера в конце второго тома романа «Война и мир».

– А какое вино вы выберете к вашему мясу? – спросил «шахматный офицер».

Молодой человек неуверенно взял в руки винную карту. Кто знает, может быть, он впервые в жизни заказывал в ресторане вино. Он не только не знал, в чем заключалось отличие урожая 1900 и 1901 годов, он вряд ли вообще понимал разницу между бордо и бургундским.

Он долго изучал винную карту. Наконец «шахматный офицер» наклонился и, показывая пальцем, высокомерно произнес: «Может быть, риоха?»

Риоха?! Да это вино вступит в схватку с тушеным мясом, как Ахиллес с Гектором. Риоха убьет мясо ударом по голове, привяжет к своей колеснице и потащит за собой для устрашения всех защитников Трои. И кроме всего прочего, риоха явно стоила в три раза дороже, чем вино, которое молодой человек мог себе позволить.

Граф покачал головой и грустно подумал, что опыт – это вещь совершенно незаменимая. Вот официанту представилась возможность выполнить возложенные на него обязанности. Он мог бы с легкостью порекомендовать подходящее вино, помочь молодому человеку, сделать так, чтобы оба они остались довольны, и молодые люди полюбили бы друг друга. Но «шахматный офицер» не только не выполнил своих прямых обязанностей, продемонстрировав, что у него отсутствует чувство такта, но и загнал клиента в угол. Молодой человек не знал, что делать, чувствовал себя так, словно на него смотрели все посетители ресторана, и был уже готов принять медвежью услугу официанта.

– Позвольте дать вам совет, – не выдержал граф. – К мясу по-латышски лучше всего подойдет бутылка мукузани.

³¹ Этот пролив между восточным берегом Сицилии и южным берегом Калабрии из-за водоворотов считается опасным районом плавания, особенно для малых судов.

Граф наклонился к столику молодых людей и показал им название вина, напечатанное в самом начале винной карты. То, что мукузани было в несколько раз дешевле риохи, не стоило обсуждения между настоящим джентльменами.

– Грузины выращивают виноград для того, чтобы сделанное из него вино пили с тушеным по-латышски мясом, – добавил он.

Молодой человек посмотрел на свою спутницу, словно спрашивая ее: «Кто этот странный человек?», а потом повернулся к официанту:

– И бутылку мукузани.

– Хорошо, – ответил официант.

Через несколько минут появилась бутылка мукузани, вино открыли, разлили, и спутница молодого человека попросила его рассказать о своей бабушке. Граф почувствовал, что сыграл небольшую, но положительную роль в отношениях молодых людей за соседним столиком. Он решил не идти в «Боярский», позвал Петю, попросил его отнести Нинин подарок в свой номер и заказал себе мясо по-латышски с бутылкой мукузани.

И, как он и подозревал, и сама еда, и сочетание ее с вином были идеальны. Мясо оказалось сочным и мягким, лук слегка карамелизированным, абрикосы не были передержаны. Все три ингредиента слились в едином, одновременно сладком и отдающем дымком порыве, создавая настроение, когда тебе хочется сидеть у камина и слушать цыганские песни.

Граф пил вино. Молодые люди за соседним столиком посмотрели в его сторону и, установив с графом контакт глазами, подняли бокалы в знак благодарности за его помощь. Потом они вернулись к своему разговору, который стал таким тихим и, видимо, личным, что из-за музыки его совершенно не стало слышно.

«Юные влюбленные, – подумал граф с улыбкой. – Вот в этом, в отличие от поэзии, нет ничего нового».

– Желаете что-нибудь еще? – спросил его официант.

Граф на мгновение задумался и заказал маленькую порцию ванильного мороженого.

* * *

После ужина граф вышел в фойе отеля и увидел одетых в смокинги четырех людей с кожаными футлярами для музыкальных инструментов в руках. Это были музыканты, которых иногда нанимали играть в ВИП-залах на втором этаже.

Трое музыкантов были уже в годах. У них были седые волосы и выражение усталого профессионализма на лицах. Один же из скрипачей был совсем молодым человеком, которому по внешнему виду нельзя было дать больше двадцати двух лет. Четверо музыкантов подходили к лифту, и тут граф узнал молодого человека.

В последний раз он видел его в 1914 году, когда князю Николаю Петрову было, наверное, не больше тринадцати. С тех пор прошло уже много лет, и граф, скорее всего, и не узнал бы его, если бы не его скромная улыбка, которая была отличительной чертой всех князей этого рода.

– Николай? – произнес граф. Четверо музыкантов повернулись и посмотрели на него.

– Александр Ильич? – неуверенно спросил Николай и улыбнулся знакомой графу улыбкой.

– Он самый.

Князь сказал коллегам, что догонит их.

– Рад вас видеть, Александр.

– А я – вас. – На лице князя отразилось удивление: – Что это вы держите в руках? Мороженое?

– Ах да. Но это не мне.

Тот кивнул, но не спросил, кому предназначалось мороженое.

- Есть ли новости от Дмитрия? – спросил граф.
- Мне кажется, что он сейчас в Швейцарии.
- О, там самый чистый воздух во всей Европе, – ответил граф.

Князь пожал плечами, словно хотел сказать, что он это уже слышал, но не может ничего добавить, потому как лично об этом мало что знает.

- Когда я видел вас в прошлый раз, вы играли Баха на вечеринке у вашей бабушки.

Николай улыбнулся и приподнял руку с инструментом в футляре.

– Я и по сей день играю Баха на вечеринках. – Он показал на дверь лифта, на котором уехали его коллеги, и добавил: – Между прочим, это был Сергей Эйсенев.

- Не может быть!

Сергей Эйсенев был известным в начале века преподавателем музыки, услугами которого пользовались семьи, жившие в пределах Бульварного кольца.

– В наше время не так просто найти работу, но Сергей всегда выручает меня, когда у него есть возможность.

У графа, конечно, было много вопросов к Николаю. Кто из членов его семьи остался в Москве? Жива ли его бабушка? Живет ли сам Николай в их прекрасном доме на Сретенке? Но они стояли в фойе отеля, где в тот момент было много людей, что не располагало к долгому разговору.

- Меня уже, наверное, ждут, – заметил Николай.
- Понимаю. Не буду вас больше задерживать.

Князь дружески кивнул и направился вверх по лестнице, но потом обернулся:

– Мы будем здесь играть вечером в следующую субботу. А после выступления сможем поговорить.

- Прекрасно, – ответил граф³².

³² Для западного читателя русские имена представляют определенную сложность. Кроме фамилии и имени, при обращении к человеку русские могут использовать имя и отчество, только отчество, а также самые разные уменьшительно-ласкательные имена, поэтому в одном и том же русском романе героя могут называть четырьмя разными именами. Ситуация осложняется еще и тем, что русские классики (то ли по причине отсутствия воображения, то ли чтобы отдать дань традиции) используют в общей сложности всего около тридцати имен. Читая Достоевского, Толстого или Тургенева, читатель столкнется с тем, что многих героев или героинь зовут одинаково: Анна, Андрей или Александр. Поэтому при появлении любого нового героя в произведении западный читатель должен быть очень внимательным, так как он не знает, какую роль будет этот герой играть в дальнейшем развитии действия, стоит ли ему запоминать новое имя или не стоит, поскольку герой является исключительно «проходным». По поводу нового героя – князя Николая Петрова – я должен сообщить читателям следующее: несмотря на то, что молодой князь обещал графу встретиться с ним в следующую субботу, этого не произойдет. После окончания концерта князь Николай оденется, застегнет пальто, обмотает шею шарфом и пойдет в принадлежавший его семье, расположенный на Сретенке особняк. Он вернется домой в 12.30, и его не встретят лакеи. Князь начнет подниматься по лестнице на четвертый этаж, где он в то время проживал. Несмотря на то, что в этот час многие обитатели дома уже спали, Николай встретит на площадке второго этажа двух новых жильцов дома. Он увидит женщину средних лет, которая проживала в бывшей детской особняке его семьи, а также водителя автобуса и отца двоих детей, который вместе с ними и женой поселился в бывшем будуаре матери Николая. Эти двое будут стоять на лестничной клетке и курить. Князь пожелает им спокойной ночи, но те ничего ему не ответят. Когда князь поднимется на четвертый этаж, он поймет, почему жильцы со второго этажа не ответили на его приветствие. Дело в том, что у двери его квартиры князя ждали три человека из ЧК. Увидев чекистов, Николай не станет высказывать им своего недовольства по поводу их появления. За прошедшие полгода чекисты уже три раза побывали у него с обыском, и Николай даже узнает одного из них в лицо. Николай устал, день был длинным, он скромно улыбнется и впустит чекистов в комнату. Николаю было совершенно нечего скрывать. Во время большевистской революции ему было всего шестнадцать лет, он не читал антисоветской литературы, не держал на большевиков зла и не помнил царского гимна. Он даже по-своему понимал, почему у него отняли дом, принадлежавший его семье. Его мать с сестрами жили в Париже, бабушки и дедушки умерли, лакеи и прислуга разбежались. Зачем ему одному тридцать комнат особняка? Он был человеком скромным. Ему нужны были лишь комната, кровать, умывальник, а также возможность работать и честно зарабатывать деньги. Он заснет, сидя за столом. В два часа ночи его разбудят и покажут найденный во время обыска его учебник латыни, сохранившийся с тех времен, когда он ходил в лицей. – Это твой? – спросят его чекисты. – Да, – ответит он. – Это мой лицейский учебник. Чекисты откроют титульный лист учебника, и на нем будет фотография царя Николая II. В те годы наличие царского портрета в доме считалось преступлением. Князь горько рассмеется – он столько времени потратил на то, чтобы вырвать все царские портреты из книг. Чекисты вырежут страницу с портретом царя и попросят его на обратной стороне поставить дату и свою подпись. Потом князя отвезут на Лубянку, где продержат несколько дней и будут допрашивать. На пятый день ареста его отпустят. Его не выведут во внутренний двор и не заведут в подвал, чтобы расстрелять. Не вышлют в Сибирь. Князю «вкатят» очень про-

Лежавший его бабушке. Вазочку с мороженым он поставил на пол. Наливая себе портвейн, он краем глаза увидел, что в комнату тихо вошла серая тень и приблизилась к вазочке с мороженым.

– С праздниками, – сказал граф коту.

– Мяу, – ответил кот.

На часах было одиннадцать. Граф сел на стул, взял в руки «Рождественскую песнь»³³ и стал ждать наступления полночи. Бесспорно, для того чтобы ждать целый час, не открывая подарка, когда тебя видит только одноглазый кот, требуется большая самодисциплина. Но граф был с детства приучен к дисциплине. Когда он был маленьким, то к дверям, за которыми стояла елка с подарками, ему разрешали подойти только в полночь.

Однако самодисциплина графа объяснялась не любовью к военной муштре или слепым повиновением правилам, к которым его приучили в детстве. Даже в десятилетнем возрасте всем было понятно (и это могли подтвердить его репетиторы и учителя), что граф – не солдафон и не чувствует себя слишком связанным правилами и разными установками. Граф умел ждать потому, что жизненный опыт показывал, что, дождавшись полуночи, можно было получить максимальное удовольствие от праздника.

Когда тридцать первого декабря отец разрешал ему и Елене открыть двери и войти, в комнате их ждала четырехметровая елка, украшенная гирляндами и игрушками. На столе стояли конфеты из Вены и апельсины из Севильи. И на полу под елкой были спрятаны подарки – деревянный меч для рыцарских боев или фонарь для того, чтобы исследовать подземелья с мумиями.

«Удивительно, как это полученный в детстве новогодний подарок, – с грустью думал граф, – дарит столько радости и приключений, которые можно пережить, даже не выходя из дома.

Сидевший на стуле кот, который до этого облизывал лапы, наострил уши. Видимо, он услышал звуки движения механизма в часах, предвещающие двенадцать ударов.

Граф отложил книгу и поставил на пол бокал с портвейном. Потом он положил коробку с Нининым подарком на колени и прислушался к бою часов. После того как часы пробили двенадцать раз, он потянул за конец зеленой ленты.

– Как ты думаешь, что там, *mein Herr*?³⁴ – спросил он кота. – Красивая шляпа?

Кот посмотрел на графа и начал тихо урчать. Граф кивнул коту и развязал бант на зеленой ленте, поднял крышку и увидел, что внутри коробки лежит еще одна коробка из желтого картона, перевязанная зеленой лентой.

Он отставил большую коробку в сторону, снова кивнул коту и развязал бант на второй коробке. Поднял крышку... и обнаружил, что и в этой коробке находится еще одна коробка. Граф развязал бант на третьей коробке и вынул коробочку размером со спичечный коробок. Он открыл эту, перевязанную темно-зеленой лентой, коробочку и увидел, что внутри лежит Нинин ключ, открывавший все двери в отеле.

стой приговор, который в народе назывался «минус шесть». Согласно этому приговору, он мог жить в любом месте страны за исключением шести крупнейших городов: Москвы, Петербурга, Киева, Харькова, Екатеринбурга и Тбилиси. Князь переедет в село Тучково, расположенное в семидесяти километрах от Москвы по Можайскому шоссе, по которому в свое время на Москву шел Наполеон. Князь не будет возмущаться, злиться и с тоской вспоминать ушедшие времена. В Тучкове будет небо с облаками, будет зеленеть трава, будут цвести яблони, а также будут жить и хорошеют молодые девушки. Князь не узнает, что через год после высылки из Москвы арестуют его учителя музыки; «тройка» вынесет ему приговор и отправит в лагерь за то, что тот в свое время нанимал бывшего князя Николая Петрова в качестве одного из исполнителей своего квартета. Намекнув, что читателю необязательно запоминать имя князя Николая Петрова, я должен предупредить, что тот еще сыграет значительную роль в этом романе. – *Примеч. авт.*

³³ A Christmas Carol (полн. назв. «Рождественская песнь в прозе») – повесть Чарльза Диккенса, вышедшая в 1843 г.

³⁴ Мой господин (нем.).

Когда граф в четверть первого лег в кровать, он предполагал, что перед сном прочитает всего пару страниц Диккенса, но, начав читать, никак не мог остановиться.

Он дочитал до того момента, когда Скруджа уносит Дух Рождественских Подарков. В детстве граф перечитал эту книгу как минимум три раза. Граф помнил, как Скрудж вместе с Духом попал на простой, но очень веселый праздник у Крэтчитов. Однако граф совершенно забыл о том, что после того как они ушли от Крэтчитов, второй дух перенес Скруджа из Лондона на болото, в котором в жалкой лачуге рядом с шахтой праздновала Рождество семья шахтеров, а потом на маяк, где под звуки прибоя праздновали Рождество двое зрителей. Потом второй дух унес Скруджа в море, на корабль, где моряки вспоминали родной дом и говорили добрые слова всем, кто окружал их на судне.

Граф порадовался тому, что, несмотря на жизненные трудности и погодные условия, люди в самых разных уголках земли праздновали Рождество. Возможно, его умилила сцена начинавшихся отношений двух молодых людей, которую он наблюдал в ресторане. Быть может, граф был рад случайной встрече с Николаем, а также тому, что тот, кажется, нашел свое место в новой России. А может быть, его приятно удивил полученный от Нины подарок. Мы не знаем, что было причиной прекрасного расположения духа графа, но когда он закрыл книгу, то уснул совершенно счастливым.

Но если бы в ту ночь к нему пришел Дух Будущего Рождества и показал ему, что ждет его в будущем, граф точно не испытал бы чувства радости. Потому что через четыре года, когда часы пробьют полночь, одетый в свой лучший пиджак граф Александр Ильич Ростов взберется на крышу отеля «Метрополь», чтобы сброситься вниз на мостовую.

Книга вторая

1923

Актриса, ночь и пасечник

Двадцать первого июня в пять часов вечера граф стоял перед висевшими в кладовке, ставшей гардеробом, пиджаками и выбирал тот, который сегодня наденет. После некоторого колебания он решил выбрать простой серый пиджак. Через несколько минут он спустится в фойе, чтобы, как водится, раз в неделю, побриться и подстричься в парикмахерской, а потом зайдет в бар «Шаляпин», чтобы встретиться с Мишкой, который наверняка придет в коричневом пиджаке, который не снимал с 1913 года. Если Мишка появится в своей рванине, то скромный серый пиджак графа не будет на его фоне сильно выделяться.

Но тут граф вспомнил, что именно в этот день он мог отмечать своего рода юбилей – прошел ровно год с тех пор, как он не выходил из отеля.

Как отметить этот странный юбилей? И вообще стоит ли его отмечать? Домашний арест – это не только ущемление прав человека, но и большое унижение. Гордость и здравый смысл подсказывали ему, что отмечать подобный юбилей не стоило.

Вот только...

Даже люди, оказавшиеся в самых тяжелых обстоятельствах, – выброшенные на необитаемый остров моряки или сидевшие в тюрьме, находят способ следить за ходом времени и отмечают про себя то, что прошел год с начала их заточения. Несмотря на то, что выразительные моменты смены сезонов и все яркие события повседневной жизни сменились тиранией неотличимых друг от друга дней, люди и в таких ситуациях продолжают делать на куске дерева или стене камеры триста шестьдесят пять зарубок.

И почему они это делают? Зачем им следить за ходом времени? Вот одна из причин – это дает им повод подумать о том, что происходит в мире, который они покинули. «Саша, наверное, уже научился забираться на дерево перед домом... Ваня пошел в школу... А Надя, милая Надя, уже в том возрасте, когда пора выходить замуж...»

Скупулесный подсчет дней и понимание того, что прошел год, дает возможность людям осознать то, что они выжили и выдержали. Не важно, что помогло им выжить, – ничем не обоснованный оптимизм или выдержка и дисциплина, но триста шестьдесят пять зарубок или царапин являются зримым доказательством их непреклонности. Если внимание мы измеряем минутами, дисциплину – часами, то непреклонность следует измерять годами. Или, если философские размышления не для вас, можете сказать себе, что настоящий мудрец празднует все то, что можно праздновать.

И с этими размышлениями граф надел свой лучший пиджак (смокинг, пошитый в Париже из красного вельвета) и направился вниз по лестнице.

Когда граф дошел до фойе первого этажа, то увидел, как в дверь с улицы входит высокая и худая женщина, собравшая взгляды всех присутствующих. Двадцати пяти лет, с тонкими выщипанными бровями дугой и каштановыми волосами, она была удивительно красивой. Женщина направилась к стойке регистрации, не обращая внимания ни на коридорных, тащивших за ней чемоданы, ни на колыхание перьев, торчавших из ее шляпки. И все смотрели на нее не только потому, что она была удивительно красивой, но и потому, что на поводу она вела двух борзых собак.

Графу было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что это прекрасные животные. Собаки были серого цвета, худые и длинноногие. Этих собак дрессировали для того, чтобы холодным октябрьским днем гнать зверя во время охоты. А по вечерам собаки должны были лежать у ног сидевшего возле камина хозяина и владельца поместья – а не служить украшением при красавице, проживающей в отеле в центре города.

Судя по всему, собаки сами понимали несправедливость этой ситуации. Пока их хозяйка говорила со стоящим за стойкой Аркадием, собаки обнюхивали пол и тянули в разные стороны.

– А ну перестаньте! – прикрикнула на них худошавая хозяйка неожиданно низким и хриплым голосом и с силой дернула поводки собак, отчего граф понял, что опыта обращения с борзыми у нее не больше, чем с птицами, чьи перья украшали ее шляпу.

Граф покачал головой. Он отвернулся от худошавой красотки и собирался двинуться в сторону парикмахерского салона, как заметил, что из-за стоявшего возле кадки с пальмой кресла промелькнула серая тень. Это был не кто иной, как одноглазый фельдмаршал кошачьих войск Кутузов, проводивший рекогносцировку сил противника. Борзые учуяли кота и разом подняли уши и повернули головы в его сторону. Кот спрятался за кадкой. Убедившись в том, что борзые на поводке, он вышел из-за кадки, поднял лапу и угрожающе зашипел.

Собаки с громким лаем бросились к нему, натянули поводки, что отдернуло их хозяйку от стойки так, что перьевая ручка вылетела у нее из рук и упала на пол.

– Тпру! – закричала собакам их худошавая хозяйка. – Стоять!

Собаки были совершенно незнакомы с жаргоном, который кучер использует при управлении тройкой лошадей, снова бросились к котюре и на этот раз вырвали поводки из ее руки.

Кутузов начал стремительное отступление. Под стоявшими вдоль западной стены креслами он кинулся в сторону входной двери. Собаки бросились за ним. Около кадок с пальмами они разделились, чтобы зажать кота с двух сторон в тиски и отрезать от входной двери. На пути одной из собак оказалась разбита напольная ваза. Через мгновение на полу оказалась и пепельница на высокой ножке, вызвав облако пыли.

Однако кот Кутузов, точно так же, как в свое время известный фельдмаршал, знал территорию лучше, чем его противники. Он резко изменил направление движения и вдоль восточной стены бросился назад в сторону лестницы.

Борзые лишь через несколько секунд поняли тактику кота. Если внимание измеряется минутами, дисциплина – часами, а непреклонность – годами, то на поле боя даже мгновение имеет огромное значение. Борзые сообразили, что кот уходит в другую сторону, но тут, как назло, ковер, по которому они бежали, закончился и начался ровный мраморный пол, так что собаки заскользили по нему, как по льду, и врезались в гостя, входившего в дверь с чемоданами.

Кот оторвался от преследователей метров на тридцать, преодолел несколько лестничных ступенек, обернулся, чтобы полюбоваться тем, что произошло с собаками, и исчез за углом.

Можно обвинить собак в том, что они неряшливо и некрасиво едят, или в том, что они слишком любят приносить палочку, но собак точно нельзя обвинить в том, что они теряют надежду. Несмотря на то, что кот скрылся из виду и знал каждый уголок отеля, собаки понеслись по фойе в сторону лестницы с такой скоростью, будто собирались взлететь на небо³⁵.

Однако фойе «Метрополя» не было местом для охоты. Это был дорогой отель, в котором проживали сильные мира сего и влиятельные люди. Поэтому граф, слегка изогнув язык, издал длинный свист на ноте соль мажор. Услышав этот свист, собаки мгновенно прекратили погоню и начали кругами бегать у выхода на лестницу, вынюхивая след. Граф еще два раза коротко свистнул, собаки послушно подошли к нему и легли у его ног.

– Молодцы, – похвалил их граф и почесал каждую из них за ухом. – Откуда вы?

³⁵ Имеется в виду созвездие в северном полушарии неба – Гончие Псы.

– Гав, – ответили собаки.

– Ну и прекрасно, – сказал граф.

Худошавая красотка поправила шляпку и грациозно подошла к графу, стоя перед которым на своих высоких каблуках, она оказалась одного с ним роста. С близкого расстояния граф отметил, что девушка оказалась не только еще более красивой, чем он предполагал, но и очень высокомерной. В данном случае граф испытывал больше симпатии к собакам, чем к этой красотке.

– Спасибо, – холодно произнесла она. – К сожалению, собаки не очень воспитанные.

– Напротив, – ответил граф, – собаки очень хорошо воспитаны.

Красотка вымученно улыбнулась.

– Я имела в виду то, что они плохо себя ведут.

– Вели они себя не очень хорошо, – согласился граф, – но это зависит от тренировок, а не от породистости.

Граф всмотрелся в ее лицо и обратил внимание на то, что высокие дуги ее бровей очень напоминали музыкальные штрихи маркато³⁶. Судя по всему, этими штрихами маркато, показывающими, что ноту надо играть чуть громче, и объяснялось то, что красотке нравилось отдавать команды, и то, что она говорила хриплым голосом. Пока граф делал о красотке свои выводы, она сделала о нем свои собственные и холодно добавила без намека на желание его очаровать:

– Видимо, обращение с собаками важнее, чем их родословная и воспитание, – язвительно заметила она. – Именно поэтому я предпочитаю держать даже самых породистых собак на коротком поводке.

* * *

Через час гладко выбритый и подстриженный граф вошел в бар «Шаляпин» и в ожидании Мишки, приехавшего в город для участия в Первом съезде пролетарских писателей, сел за небольшой столик в углу.

Как только граф уселся, он обнаружил, что на банкетке напротив него сидит худошавая красавица, одетая на этот раз в длинное синее платье. Она не привела в бар борзых, а сопровождал ее круглолицый лысеющий господин, смотревший на свою спутницу с собачьей преданностью. Граф случайно встретился с дамой взглядом, и они повели себя так, словно недавнего разговора не было вовсе: он перевел взгляд на дверь бара, а она – на своего преданного двуногого обожателя. В этот момент появился Мишка, одетый в новый пиджак и с аккуратно подстриженной бородой.

Граф встал из-за стола и обнял друга. Потом он не сел на свое прежнее место на банкетке, а предложил его Михаилу. Этот, казалось бы, жест вежливости позволил графу сесть, повернувшись спиной к красотке в синем платье.

– Ну, что будем пить, мой друг? – потирая руки, спросил граф. – Шампанское? «Château d'Yquem»?³⁷ Не откажешься от белуги на закуску?

Но Мишка отрицательно покачал головой, сказав, что хочет пива, и сообщил, что не сможет остаться на ужин.

Графа немного расстроило это известие. Он думал заказать на ужин фирменную запеченную утку в ресторане «Боярский». Граф даже попросил Андрея оставить ему бутылочку того первоклассного французского вина, которое идеально подошло бы к утке и дало ему повод

³⁶ Marcato (*um.*) – штрих в нотной грамоте, обозначающий подчеркнутое, отчетливое исполнение каждого звука, достигаемое посредством акцента. Знак маркато напоминает галочку.

³⁷ «Шато д'Икем» – белое французское вино, входящее в число самых дорогих в мире напитков.

вспомнить и рассказать историю о том, как он однажды оказался запертым в винном погребе Ротшильдов вместе с молодой баронессой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.